

Орган правления Союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 14 (928) Воскресенье, 6 апреля 1941 г. Цена 45 коп.

Сегодня в номере:

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Оборонная тема. С. ИПОПОЛИТОВ. Задачи писательских профорганизаций. ИНФОРМАЦИЯ. Пьеса о поэте. Драматургия Чехова. Выставка-музей Маяковского. Конференция по вопросам критики. ЗА НЕДЕЛЮ.
2 стр. В. ФОМЕНКО. Безответственные залוטасы. Т. МОТЫЛЕВА. «Прошание» Иоганнеса Бехера. И. ФРАДКИН. Биография великого революционера.
3 стр. ТВОРЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Обсуждение произведений В. Ковалевского и Е. Доматовского. Выступления Н. Замощина, А. Тихонова, А. Роскина, В. Гроссмана, Конст. Федина, В. Вишневского, В. Перцова и К. Зеленикова.
4 стр. Л. ЮРБЕВ. «Одиночество» Н. Вирта. В. МЛЕЧИН.

Владимир Соловьев А. С. МАКАРЕНКО. «Пути поколений». Ю. ЛУКНИН. За редактированием рукописей. ИНФОРМАЦИЯ. Картины на пушкинские темы.
5 стр. М. ГРИНБЕРГ. Третье в будущем. А. КРОН «Ночь» (отрывок из пьесы). БИБЛИОГРАФИЯ.
6 стр. М. БЕККЕР. И. З. Суриков. ЖУРНАЛЫ. «Октябрь», «Красная нива», «Знамя», «Визисур», «Сибирские огни», «Ленинградский альманах». Н. СОБОЛЕВСКИЙ. Литературные памяти Б. Б. Редактор в издательстве. Е. ПЕЛЬСОН. На книжном базаре. Н. ПРИВАЛОВА. Незабывчивый автограф В. Г. Короленко. ИНФОРМАЦИЯ. Вечер памяти А. С. Макаренки. В гостях у студентов. Конкурс на лучший перевод Балзыка. Научная сессия, посвященная Шекспиру и Сервантесу. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Оборонная тема

Великий человек своего времени А. М. Горький писал, что гуманизм пролетариата требует неумолимой несправедливости ко всему, что заставляет страдать во всем, кто живет на страданиях тысяч миллионов людей». В его словах заключено главное содержание революционного, волевого гуманизма. Чтобы идеи этого гуманизма выразить в художественных произведениях, нужно осветить истинным патристическим чувством все явления действительности, которые влечут за собой писателя.

Именно поэтому оборонную тему в нашей художественной литературе надо рассматривать в свете гуманистических задач нашего общества, как тему борьбы за высокие идеалы коммунизма.

Благодарная черта нашего гуманизма — действительность. Декларационные заверения о готовности выступить на защиту родины — еще не есть готовность. Над парадной риторикой остро и жестко издевается еще Маяковский:

Вы нам обещаете,

скулистый Вась,

на случай жулды

лойти, барабаны...

...Да,

— Выше взывайте

красное знамя!

Вперед, перелетайте,

а я —

за вами.

Орать

«Барагу!»

Понаехали в туман?

На это

не надо

большого ума...

Действительность литературы — ее произведения. Писатель обязан постоянно вглядываться во все явления нашей жизни, памятуя о реально существующей военной опасности. Должен воевать и показывать с помощью художественных образов, что название капиталистического оружия во многом определяет и решение больших государственных вопросов, и личную судьбу каждого советского гражданина. Широкий подход к оборонной теме возможен только при условии глубокого понимания общих задач создания нового, коммунистического мира. Тогда только художник сумеет создать действительно оборонное произведение, достойно продолжающее традицию Горького и Маяковского.

Тогда, создавая произведения, посвященные Красной Армии, он сумеет ясно выразить те три особенности ее, о которых говорил товарищ Сталин.

Военные традиции нашего народа уходят далеко в историю, характерны его сила и жизненная мощь. Черты смиренности и покорности никогда не были свойственны свободолюбивому народу России. Еще великий русский критик Белинский говорил, что как-то странно видеть в смиренности причину, по которой московское княжество сделалось могучим национальным государством. «...Князь начал на смиренности, — писал он, — как на выражении русской национальности... Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозван был «Гордым»; а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечом, а не смиренней предкался татарам копей их владычества над Русью. Иоанн III и IV, оба прозванные «строгими», не отличались смиренней».

Военное прошлое нашей родины является неисчерпаемым источником патристических тем для советской литературы. Но среди писателей, лауреатов Сталинской премии, мы встречаем имена Алексея Токстого и С. Сергеева-Ценского, чьи романы «Петр I» и «Семеновская страда» вошли в золотой фонд нашей литературы.

Еще шире, чем военно-историческая тема, представлена в оборонной литературе тема гражданского героизма, первый в истории человечества войны социализма против капитализма.

«Чапаев» Фурманова, «Тихий Дон» Шолохова, «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «Разгром» Фадеева, «Дума про Оланаса» Багрицкого, «Семчич Проксаков» Асеева, «Бронепоезд» В. Павлова, «Одиночество» Н. Вирта и многие другие книги о гражданской войне ясно показали героизм борьбы за социалистическое общество. Образы Чапаева, Левинского, Павла Корчагина — любимые образы нашего народа. Сила этих книг заключается в том, что писатели, отнюдь не приукрашивая действительности, не идеализируя своих героев, показали, как в преодолении трудностей, в суровой и напряженной борьбе рождаются истинное мужество, истинный героизм.

Литература о гражданской войне оптимистична в лучшем смысле этого слова. Ее героический оптимизм вдохновляет на новые бои. С каждым новым годом появляются все новые книги о гражданской войне — «Кочубей» А. Первентева,

«Хлеб» А. Токстого, «Пархоменко» В. Иванова, «Повесть о суровом друге» Жарикова. Писатели разных поколений посвящают свои произведения этой неисчерпаемой теме. На страницах художественных произведений встают вожди нашего народа — Ленин и Сталин, замечательные полководцы — Ворошилов, Тимошенко, Бугенный, легендарные командиры — Шорс, Чапаев, Наркомпомо. О них пишутся книги, им посвящаются поэмы, стихи, песни.

Разом с темой гражданской войны возникает тема последних боевых подвигов нашей Красной Армии: победы на Хатинском, на Халхин-Голе, освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию, война с белой Финляндией.

Многие писатели были непосредственными участниками всех последних подвигов Красной Армии. Их очерки, рассказы и стихи печатались в армейских и флотских газетах, играли немалую роль в общей системе политической пропаганды. Но работой во фронтовой печати писатели и поэты далеко не исчерпали своих задач. Они обязаны показать народу современную Красную Армию и Военный Флот и в бою, и в будничной учебе.

В последние годы вышли интересные книги Героев Советского Союза, рассказывающих о своем боевом пути. Замечательны рассказы бойцов финского фронта, опубликованные в двухтомном сборнике «Бои в Финляндии». Но произведений профессиональных писателей, посвященных современным дням Красной Армии и Военного Флота, еще очень мало. Между тем, предвоенная жизнь, дни будущей учебы дают достаточно творческого материала.

Лишь в последние месяцы начинают все чаще появляться произведения о боях на Халхин-Голе, о войне в Финляндии. Однако многим авторам этих произведений не хватает еще того, что должно отличать литературу о воинском подвиге народа. Часто они не умеют показать во всей правдивой суровости атмосферу войны, напряженности физических, интеллектуальных и моральных сил человека-воина. Показателен такой пример из романа:

Не лакировать действительность призваны писатели, а показывать суровую правду войны, показывая, как советский человек, преодолевающий самые трудные препятствия, закаляется, укрепляет свое мужество, идет к победе, исполненной высокой патристической натуры.

В речи, посвященной задачам военной печати, маршал С. К. Тимошенко чрезвычайно резко осудил тенденцию некоторых армейских газет к лакировке действительности. Эти газетки, говорил маршал, «сдобры и похвальны, но не действуют». Они должны быть действительными, яркими, смелыми, в которых чувствуется гордость за свой род, за свою землю, за свою страну, за свою правду, за свои интересы, за свое будущее. Воспитание возможно только на истинном положении.

Обвинение, брошенное наркомом, может быть направлено и по адресу отдельных художественных произведений. Надо объявить решительную борьбу против лакировки действительности и бездумное отношение к войне. Произведения, преуменьшающие действительные трудности войны, лакирующие действительную обстановку, не могут мобилизовать советского патриста на героические подвиги.

Мы должны написать о войне сурово, мужественно и правдиво, показав по-настоящему героизм нашего бойца, его силу духа, его волю к жизни и к победе.

Иногда писатели, увлекаясь внешним изображением боевых обстановки, хода сражения, дают бесплодные батальные картины. Но за гротеском картин, за словами комманды пропадает основное — социальное содержание конфликта — во имя чего идет война, каковы ее цели? Люди в такой батальной картине становятся приложением военной техники, тогда как, наоборот, техника должна людям, они ею управляют. Решающей силой войны остается человек. И если говорить о силе армии и флота СССР — она в людях, а не в технике, за что они борются. Война — это социальное столкновение, а не столкновение машин.

Писатель-оборонник должен быть абсолютно военно-грамотным человеком. Военная учеба должна охватывать все большее число писателей. Они должны великолепно знать то, о чем пишут. И вместе с тем и на войне писатель остается «живящим человеком».

Весенний и летний период писателям, работающим над оборонной темой, следует рационально использовать для поездок в части и на корабли, для изучения военной среды.

Советская литература имеет замечательные боевые традиции. Она будет крепить их и дальше. Каждая новая книга советского писателя должна войти в боевой арсенал обороны нашей страны, должна вдохновить в жизнь людей Владимира Маяковского: «Чтоб к штыку приравняли перо».

Задачи писательских профорганизаций

3 апреля в Московском клубе писателей состоялось расширенное заседание президиума ЦК союза работников печати с участием писателей, директоров издательств, представителей местных писательских профорганизаций Москвы, Ленинграда, Киева, Львова.

Встреча отнюдь не была парадной. Это был очень серьезный и содержательный разговор о важнейших задачах литературы, о кровных нуждах писателей.

Доклад председателя горкома писателей Ленинграда С. Рубина заслуживает, как много может сделать писательская профорганизация.

Ленинградский горком писателей еще четыре месяца тому назад был совершенно бездеятелен, превратившись в технический аппарат по выманиванию членских взносов. Картина совершенно изменилась после недавних переизбранных горкома. Новые руководители, деятельные и авторитетные, успели очистить профсоюзные ряды от ленивых каторжников, организовать систематическую творческую консультацию для начинающих и бытовую помощь. В своей агитационно-массовой работе горком опирается на Дом писателя, добившись, чтобы двери его были широко открыты и для литераторов, не состоящих членами Союза писателей. Созданы творческие объединения очеркистов, две студии перевода, ком. под руководством проф. Смирнова и проф. Федорова. Введены в практику творческие вечера начинающих писателей. На одном из этих вечеров состоялось обсуждение мемуаров первого команданта Смольного т. Выхова.

С большим интересом был выслушан доклад В. Бахматова о работе группкома Гослитиздата. Существенное отличие этой профорганизации, что она тесно связана с производством и имеет, таким образом, возможность вести непосредственную борьбу за улучшение качества книги и писательского труда и разрабатывать социалистическое соревнование.

Значительную творческо-производственную работу проводит и писательская

профорганизация в Киеве. Руководитель ее М. Шермет сообщил, в частности, что в Киеве проведена анкета среди членов профсоюза, какие произведения они готовы к 25-летию Октябрья. После получения ответа были приняты меры к тому, чтобы быстрее облегчить писателям реализацию их творческих планов.

Выступил на собрании и представитель одной из самых молодых советских писательских профорганизаций — профкома Львова А. Гаврилюк. Рассказывая о первых шагах профсоюзной работы среди писателей Львова, он говорил о необходимости определить с максимальной ясностью специфику работы писательских проф. органов.

Доклады и участники развернувшихся прений подробно останавливались на трудностях, возникающих в работе писательских профсоюзных организаций. Среди некоторой части писателей до сих пор существует барски-пренебрежительное отношение к профсоюзной работе. В Ленинграде, например, из 400 членов профсоюза писателей свыше 80 человек не состоят в профсоюзе.

Особый счет был предъявлен к Литфонду. Его критиковали за то, что он недостаточно согласовывает с группкоматами расходование фондов социального страхования и курортно-лечебной помощи. Правда, в этом отношении и профсоюзы не без греха, так как они не используют своего бесспорного права контроля работы Литфонда в этих областях.

Некоторые трения наблюдаются также и между группкоматами и Управлением по охране авторских прав. Обсуждались под одной ведомственной крышей с театрами, учреждениями, это ослабляло выделение с них задолженности драматургам.

В прениях выступил тт. Прокофьев, Богданов, Образов, Гольдман, Лисичевский, Немчинов, Павлович и Стронин. Итоги прений были подведены в реферат руководителе ЦК союза работников печати М. Овсянниковой и Г. Урина.

С. ИПОПОЛИТОВ.

Пьеса о поэте

30 марта в представительстве Казахской ССР Мухомар Азиевский и Л. С. Соборный читали пьесу «Абай» Героя драмы Абай Кунаибаев — казахский поэт, живший во второй половине XIX столетия. Его творчество и просветительская деятельность развивались под непосредственным влиянием русской и современной ему западной литературы. Абай переводил на казахский язык Крылова, Пушкина, Лермонтова и др.

Время и место действия пьесы — 90-е годы прошлого века в Читингостских степях около Семипалатинска. Пьеса показывает великого поэта в борьбе с реакционными традициями родового быта, богатствами-благами, царскими чиновниками-аскаками и представителями националистической интеллигенции, пропавшей реакционными идеями шапшамаза.

После авторского чтения вокруг пьесы развернулись оживленные прения, в которых приняли участие присутствовавшие русские и казахские советские писатели и деятели искусств. Отмечалось большое познавательное значение пьесы не только для русского, но и для казахского артиста — выразительные и ясный язык, законченность композиции, рельефность выделенных характеров (Н. Силверков, Л. Пенский, С. Кердина и др.). По мнению Г. Коробельника, пьеса занимает выдающееся место не только в казахской, но и во всей советской драматургии.

М. Тарловский указал, что по жанру пьеса должна быть отнесена к трагедии, продолжая традиции Горького. Комментатор Жубанов ответил на некоторые из высказанных замечаний, подчеркнув оригинальность поэтики языка пьесы, ее интуитивное ощущение человека, дающего возможность характеризовать каждое из действующих лиц трагедии.

Споры возникли вокруг законности и целесообразности использования в сюжете пьесы сюжет отдельных персонажей из «Ромео и Джульетта» и «Моцарта и Сальери». Писатель Дюссобаев указал на совершенную органичность и сюжетную оправданность этих сюжетов.

Пьеса включена в репертуар Московского Камерного театра.

Драматургия Чехова

В репертуаре советских театров наблюдается повышенный интерес к драматургии А. П. Чехова. Только за 1940—41 гг. состоялось премьеры «Трех сестер» — в МХАТ им. Горького, в одесском херсонском и крымском театрах, «Дяди Ваня» в Московском театре им. Вагнера, в Каазии, Новосибирске, Краснодаре, «Вишневый сад» — в Большом драматическом театре Ленинграда, «Чайка» — в Горкомате и целого ряда других чеховских спектаклей в разных городах СССР. В связи с этим кабинет Островского и русской классики ВТО провел трехдневное совещание, посвященное драматургии Чехова. Все доклады и выступления на нем были направлены к тому, чтобы установить, какое прогрессивное влияние Чехова на советскую драматургию и театр.

Дерман в своем докладе «Чехов и современное советское искусство» говорил лишь об одной проблеме — законности и слоганности, характерных для чеховской драматургии. Интересное и содержательное сообщение сделал А. Роскин, обобщивший опыт работы наших театров над чеховским репертуаром. Основываясь на работах Станиславского и Вахтангова, он отметил эстетическую программу, поставленную Чеховым, и показал, как он шаг за шагом достиг ее, не поддаваясь ни отступничеству от основного принципа Чехова, который любил или ненавидел своих героев, избравших их, никогда не изменяя правде жизни.

На совещании выступили также М. Левилов, А. Басехев, Крапавинский, И. Кроль, И. Эгисс и художественный руководитель Краснодарского театра К. Степанов-Колосов.

Итоги совещания послужат в дальнейшем ценным материалом для новых постановок пьес Чехова в центре и на периферии.

Выставка-музей Маяковского

К юбилейной годовщине со дня смерти В. В. Маяковского в Москве, на улице Кропоткина, 12, открывается постоянная выставка-музей, посвященная жизни и творчеству поэта.

Начата экспозиция материалов. Развешиваются портреты Маяковского, тек-

сты из его произведений и иллюстрирующие их работы художников. Устанавливаются статуи и бюсты поэта, макеты постановок пьес Маяковского и т. п. Вечера члены художественного совета ознакомляются с ходом экспозиции выставки.

За неделю

ЮБИЛЕЙ Э. БИРЗНИКС-УПИТИС

ЭРНСТ БИРЗНИКС-УПИТИС

Сегодня общественность Латвии отмечает 70-летие со дня рождения и 50 лет литературной деятельности Э. Бирзникса-Упитиса.

Писатель родился в 1871 г. в Курземь, в трудовой крестьянской семье. Ранние годы своей жизни он описал в книге «Литературная жизнь в семье». Окончив городское училище и дав экстерном экзамены в петербургском Учительском институте, Бирзникс-Упитис стал зарабатывать уроками, потом работал в качестве народного учителя в Лагестане и близ Баку. В 1921 г. он возвращается в Латвию. Здесь он начинает издавать газету, но ее закрывают за «левизну», затем работает в Риге как библиотекар. Последнее 6 лет писатель был безработным, лишь изредка ему удавалось публиковать свои переводы.

Теперь, еще полный сил, 70-летний писатель стал активно сотрудничать в печати молодой советской республикой. Он много пишет для молодежеских изданий ЦК комсомола Латвии — газеты «Молодой коммунист» и журнала «Шинер».

Первая литературная работа Бирзникса-Упитиса — рассказ «Мать» — напечатана в 1891 г. в газете «Балтийские Вестники». С тех пор он непрерывно писал и переводил. Он писал стихи, рассказы, очерки. Основные его произведения напечатаны в период с 1907 по 1914 г. Это сборники рассказов «Утром», «Вечер», «Рассказы старого камня». В своих произведениях Бирзникс-Упитис протестует против национальной вражды, выражает горячую любовь ко всем, кто стремится к свободе. В рассказах «Нот Абоней» и «В былые времена» показана революция 1905 года, героическая борьба трудящихся, выражена протест против зверств реакции.

Бирзникс-Упитис — писатель-реалист. Всею своей жизнью и произведениями он доказал, что является верным сыном трудового народа и правдивым его бытописателем.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

Редакционный совет издательства «Советский писатель» обесили на днях несколько рукописей. В результате этого обесуждения издательство дополнителем включило в план 1941 г. девять новых книг.

Повесть А. Чаковского «Пламенное сердце» посвящена французской революционерке Луизе Милье.

Книга В. Овечкина включает рассказы о современной советской деревне из его сборника, изданного в Краснодаре, и очерки, печатавшиеся в 1939 и 1940 гг. в «Красной нове».

Приняты к изданию также книги Героя Советского Союза М. Слепнева «Трагедия в проливе Лонга», сборник рассказов В. Билль-Белоцерковского, А. Платонова «Теченье времени», В. Козина «Придорожные камни», П. Шкляра «Зеленая тропка», А. Вьюркова «Москва-матушка» и книга избранных стихов поэта Е. Нецветаева.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСПУТ

ЕРЕВАН. (Наш корр.). Союз советских писателей Армении провел диспут на тему — «Образ советского человека в армянской литературе». Диспут, продолжавшийся три дня, привлек живейшее внимание интеллигенции Еревана.

Было заслушано два доклада. Первый — о задачах армянской советской литературы — сделал секретарь президиума ЦСШ Армении т. А. Сирас. Второй — на тему «Образ советского человека в армянской художественной прозе» — сделал кандидат филологических наук т. А. Маргрян.

Докладчик обстоятельно разобрал ряд произведений Д. Демирчяна, А. Азизи, Ст. Зорьяна, М. Манвеляна, А. Сираса, Г. Бочара, Х. Тапалаяна, П. Зорьяна, в которых дан образ советского человека.

Выступившие в прениях отметили, что в армянской прозе за два десятилетия создан ряд научных произведений о современности. Назывались такие книги, как «Набольшая любовь» — Демирчян, «Учительница липуника» и «Белый город» — Ст. Зорьяна, «Лунышские луча» — Азизи, «Апанит» — Сираса, «Апанит» — Зорьяна и др.

На диспуте выступил секретарь ЦК КП(б) Армении по пропаганде т. С. Баранян. Он говорил о задачах идейно-политического воспитания писателей.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ОЧЕРКИСТОВ ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). При ленинградском горкоме писателей создано творческое объединение очеркистов.

В работе объединения активное участие принимают В. Лавренко, И. Бражинский, С. Марич, Е. Соболевский, В. Дружинин, П. Вагнер, критики И. Эвентов, И. Оксенов, Л. Корытских и другие ленинградские литераторы.

На первом собрании объединения оживленно прошло обсуждение книги Н. Григорьева, В. Соловьева, Е. Соболевского и П. Чувковского — «Герои Советского Союза — детишки-багитчики», выпущенной ВОздориздатом. На втором собрании Е. Лавренский читал главы из своей книги «Моряки идут на джыхад». Все эти очерки являются творческим результатом фронтовой работы ленинградских писателей в дни боев с белофиннами. На вечере «Ленинград в художественном очерке» обсуждалась работа очеркистов Л. Славантанова и А. Саловского.

На последующих заседаниях объединения очеркистов будет обсуждаться опыт работы писателей по составлению истории полков и истории кораблей. Намечены творческие отчеты очеркистов ленинградских войск.

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

МИНСК. (Наш корр.). Создано созданное ЦК ЛКСМБ совещание детских писателей Белорусии. Предметом обсуждения были вопросы трудового и военного воспитания детей. В работе совещания приняли участие работники ЦК КП(б) и ЦК ЛКСМБ. С докладом выступил драматург В. Вольский.

Полноценный разбор подвергались вышедшие в 1940 г. книги для детей З. Вадули, Я. Маюра, М. Лынькова и других авторов. Участники совещания указывали на то, что в белорусской детской литературе, на отсутствие книг, которые бы прививали детям любовь к труду, воспитывали навыки, нужные для бойца Красной Армии.

РОМАН «КЕЦХОВЕЛИ»

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). В клубе писателей состоялся обсуждение романа Я. Ливашиви «Кецховели». Книга посвящена жизни ближайшего соратника товарища Сталина на заре революционного движения в Грузии и Закавказье — Лазо Кецховели.

С докладом выступил т. В. Ягента. В обсуждении участвовали Лео Бицели, Нр. Абашидзе, П. Вакели, И. Асталяни, С. Чивчвали, И. Цуладзе, Е. Аствадатуров и др. С большим интересом было выслушано выступление Вапо Кецховели (брата Лазо). Выступившие товарищи, наряду с положительными качествами романа, отметили ряд дефектов, которые могут быть устранены в следующем издании книги.

Группа участников декады таджикского искусства, приехавших в Москву. На снимке (слева направо): С. Тунбаева, С. Баласанян, Р. Арсланова, Б. Тураев, М. Насимов, Т. Фазылова, М. Рабинов, А. Бабаева, А. Азимова, Л. Кауфман и О. Исмаилов. Фото В. Муслимова и Дм. Балтерманца.

Конференция по вопросам критики

БАКУ. (Наш корр.). Несколько дней продолжалась конференция по вопросам литературной критики, созванная президиумом ЦСШ Азербайджана.

Конференцией были широко обсуждены следующие вопросы: «Ленин и Сталин в литературе» (докл. Э. Иляте); «Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова» (докл. М. Д. Джафаров); «О состоянии современной азербайджанской литературной критики» (докл. М. Ариф) и «О театальной критике» (докл. А. Шариф). В докладах и выступлениях наряду с отдельными достижениями азербайджан-

ской советской критики отмечалось и ее резкое отставание от литературной практики. Низкий теоретический уровень метода критикам правильно и глубоко оценить идейное значение того или иного литературного произведения, являлось. Говорилось также о том, что вопросам формы, стиля, языка, творческих направлений критика не занималась.

В свете решения ЦК ВКП(б) о литературной критике и биографии конференции намечена пути, по которым должна в дальнейшем развиваться азербайджанская советская критика.

«Прощание» Иоганнеса Бехера

Т. МОТЫЛЕВА

«Прощание» Иоганнеса Бехера — не только автобиографический роман. Значение его неоспоримо шире. Это — история целого поколения германской интеллигенции, того поколения, которое вступило в жизнь накануне первой мировой империалистической войны. Это — широкая реалистическая картина предвоенной Германии. И это прежде всего — социальный-психологический роман на тему о конфликте поколений, об отцах и детях. Покупат этого центрального конфликта объединены все другие повествовательные линии романа.

Трагическое, исколеченное детство — предельная тема в западной литературе последних десятилетий. Немецкая проза буржуазной действительности хорошо рассказывает, если ее показать глазами испорченного ребенка. В произведениях западных соратников — Горького — Роллана, Неккера — ребенок, с малых лет познавший подневольный труд, бесправие, нищету, естественно, органически вырастает в борца. Иной вариант темы детства был дан теми художниками, которые создавали буржуазную семью, конфликт внутри этой семьи. Тема борьбы поколений была мощной в предвоенной немецкой литературе. В драмах Ведекинда, в «Сын» Гааскелера подростки обличают войну отцам. Но это была борьба внутри рамок буржуазного мировоззрения и буржуазного общества.

В романе Бехера речь идет о буржуазной семье. Однако столкновение родителей и сына вырастает в столкновение социального. Юный Ганс Гастль, герой романа, не только, подобно герою автобиографического триллера французского коммунар Жюль Валлеа, от «защиты прав ребенка» к «защите прав человека» разрыв с буржуазной семьей, но и ассоциацию с французской литературой вызывает «Прощание» Бехера: оно много перекликается с замечательной реалистической повестью Роже Мартен дю Га «Семья Тибо». Ганс Гастль, мучащийся, творчески одаренный подросток, часто rebellious неустойчивый, часто ошибающийся, но всегда страстно ищущий правды и жаждущий полного дела — многим близок неукротимому бунтарю Жаку Тибо.

Когда Бехер рисует нестерпимый гнет халасской благопритойности, уродующей жизнь ребенка, то он еще резче, чем Мартен дю Гар, подчеркивает типичность происходящего. Речь идет о средней, нормальной буржуазной семье. Ганс Гастль — не полудоура, растущий без матерей, как сын Гааскелера или как Тибо. Его не было, как Жака Венгера у Валлеа. В его семье во всем той десятилетия, мертвящая атмосфера, того расчитанного равнодушия к ребенку, которое так остро давит на повествователя в своем романе Маркеса. Но Ганс, напротив, у Бехера воспитывается в семье, по-своему гармоничной, любящей, дружной. Его мать искренно привязана к нему, не видит в нем нечто чуждое правосудию, отравляющее людей на казнь, но и том, что Ганс смутно видит бессмысленность и внутреннюю фальшь обского существования. Работу отца, который из дня в день борется над бумагами и с регулярностью автомата ходит из дома в суд, из суда домой, Ганс невольно уподобляет времепрепровождению заключенного, о котором он слышал: этот заключенный, чтобы не сойти с ума в своей темной одиночной камере, разбрасывает по полу и вновь собирает подпольно бумажек — и так без конца. Вся жизнь семьи Гастль, с редким мастерством психологической детализации передаваемая Бехером, через чуждое восприятие ребенка, работа, обеды, прогулки, — все имеет оттенок томительного автоматизма. Ганс раздражает даже чистота и порядок родительского дома, ибо у его

родителей забота о порядке превращена в самоцель, не отбавляя жизни, а осложняя ее. Забота отца о порядке в бумагах, ветные хлопоты матери по хозяйству — все это приобретает оттенок надоедливой суетности, как у горьковских Бессерменовых, у которых стулья в столовой расставлены «с тошнотворной правильностью». И тогда аккуратнейший отец и привлекательная невеста бросает на пол вещи, негодный кричит на жену. Ганс чувствует в этом произведении неосознанное предельность такой жизни. «Не кричит ли он так громко, чтобы что-то заглушить в самом себе?»

В отношении родителей к самому себе Ганс ощущает все то же натиску и фальшь. Родители заботятся о нем, но это забота, лишая ребенка самостоятельности, сваливающая на него непосильные заботы, порождая в нем неприятие, чувство несвободы. Родители любят его, но мир переживания ребенка от них скрыт. Они подходят к сыну с заранее вытопленным мерками, с готовыми понятиями о приличном поведении и приличной карьере, готовые реить все вопросы его жизни, за него — и огорчаются или негодуют, когда он решает их по-своему. Ганс отбивает задавать родителям вопросы: он слишком часто слышит от них: «об этом не спрашивай», или «не портя нам аппетит». Он протестует, но знает, что это протестует, что в его порыве rebelliousности выливается из глубины души, что в правду видит детство, а в безобидной шалости проявление преступных наклонностей. Родители со всей нескрываемостью хотят, чтобы сын вырос трудолюбивым и честным человеком, но сами же выпрашивают ему дружбу с сыном портного, прамудрым и способным Хартигером, и поощряют его знакомство с мальчиком из «приличной» семьи, Фекком, не подозревая, что именно под влиянием Фекка Ганс лжет, ворует, ленился. Параллельно семье действует школа — доверная, немецкая школа, где царит дух интеллигентности и провинциальной ответственности. Характер Ганса формируется под влиянием учителя, ставящего хорошие отметки, под влиянием директора, испытывающего симпатию к сыну, и преподавателя, который пытается заставить его заниматься в проштукана, которых они не совершенны. Шаг за шагом, с хирургической остротой анализа, раскрывает Бехер, как ребенку постепенно и настойчиво прививаются рабочие чувства, претерпевшие понятия, грязные представления, как обычная, нормальная система буржуазного воспитания подавляет и стремится уничтожить то хорошее, что заложено в характере мальчика.

История детства и юности Ганса Гастля — история непрерывной внутренней борьбы. В сознании Ганса-подростка кристаллизуются понятия «мирной жизни» и «стойкой жизни». Мирная жизнь — это привычное, застойное, обывательское существование. Стойкая жизнь — это то, чему Ганс не хочет поддаться. Всем своим существом он тянется к тому, что в своем сознании он считает — жизнью идею, все наиболее чистые и радостные впечатления детства: и дружба с «низкими» людьми — нянькой Христиной, соседским денщиком Кавером, и любимые книги, и память о бабушке, художнице и волюнтерке, и первая робкая любовь, и случайно услышанная увлекательная повесть о восточном русском броненосце. — Все это у Ганса разрушается вокруг туманного и заманивающего представления о «стойкой жизни».

О бунте молодого интеллигента, о разрыве его со своей средой неоднократно было рассказано и до Бехера. Но новое в «Прощании» то, что в романе с громадным убедительностью раскрыто, как стихийное стремление вступающего в жизнь юноши к правоте и красоте человеческого отношения, к подлинному человеческому существованию — с необходимостью должно вести к социализму, к рабочему движению. Ганс Гастль вовсе не так уже интеллигентен, как кажется. Но он инстинктивно тянется к простым людям, стремится стать ближе к рабочему подростку Хартигеру, жадно ловит крохи социалистического учения, ибо его привлекает то «человеческое благообразие», которое, по известным словам Маркса, свойственно революционному пролетариату. Из юношеского восприятия красоты мира естественно вырастает революционное порыв.

«Прекрасен мир, прекрасен — и именно потому, что он так невыносимо прекрасен, все должно измениться, совсем измениться». Так думает, так чувствует Ганс.

Но Гансу легче понять, что заслуживает отвержения. Ему ясно, что в подлинной несправедливой ему «мирной жизни» он не может быть самим собой. Сам этот быт, неотъемлемая часть личной социальной системы, всей вынужденности Германии. С гротесковой яркостью и силой сделана сцена, где Ганс с родителями посещает в психиатрической больнице сумасшедшего дядю Карла. В длинном бреду дяди, возможном себе императором и смурчачком, Ганс узнает некоторые знакомые мотивы отцовских разговоров о политике...

Но как он, Ганс, может немедленно, в своей личной практике, оттолкнуться от отрицательного опыта жизни? Тут Бехер прекрасно вскрывает психологические корни мелкобуржуазного анархического бунта, сваливающего на подростка, выражение в экспрессионизме. Ганс Гастль симпатизирует социализму, но его несколько настоятельно мешает то, что рассказывает ему друг Хартигер о социал-демократической партии, о засилье в ней мирных обывателей, лишённых боевого духа. И любовь — Гансу по всему складу своих привычек и своего воспитания все-таки трудно почувствовать себя близким пролетариату. Зато артистическая богема Монхена, писатели и художники, собирающиеся в знакомом кафе «Стефанья», привлекают Ганса своей полнейшей откровенностью от буржеской морали и привычек. Ганс Гастль привыкает считать высоким достижением моды красной окраски и пишет стихи, читает Марксовы реуныш домом, где бурлящий хаос чувств облекается в оригинально-сумбурную форму.

Бехер сам прошел через стадию экспрессионистского бунтарства. И прощание с анархическо-богемным прошлым — не менее важная идея и сюжетная линия романа, чем прощание с буржеским прошлым. Постепенно, шаг за шагом, заставляя Бехер своего героя убеждаться, что реакционное типичное его отца и критичное оригинальничанье заведует «Стефанья» имеют один и тот же социальный смысл. Ганс привык про себя называть отца и его единомышленников «гуннами». Но это же слово «гунны» бросает в лицо новым друзьям Ганса, анархическим студентам, редактору газеты, куда они пришли, чтобы устроить очередную скандал. Ганс изумлен. Его друзья, бунтари, отрицают мешанскую мораль, тоже гунны? Он окончательно убеждается в этом только тогда, когда в первое же дни войны слышит шумные из «отрицателей» становятся самыми шумными шовинистами, декларирующими свою преданность кайзеру.

Итак, Гансу Гастлю приходится совершать двойной разрыв. Его уход из родительского дома, отказ, несмотря на настоящие отца, идти на войну — это в то же время и отказ от дальнейшего общения «бессмысленного обывательства», за артистическое благообразие, оппортунистический переход на сторону «борьбы за стойкую жизнь» — так как Хартигер, оставившись верным интернационализму. В жизни дело обстоит сложнее. Да и Хартигер, пожалуй, слишком провинциален в анализе происходящих событий. Для западных интеллигентов поколения Бехера путь к революционной правде был еще более тернист и труден, чем это изображено в романе. Да и у самого Бехера преодоление экспрессионистской путаницы длилось долгие годы. (Даже в самом «Прощании», отличающемся реализмом, почти экспрессионистский хаос образует, особенно на последних страницах, так перед героем, покинувшим родительский дом, в одно мгновение с несколько умительной быстротой снова прохладит все впечатления жизни).

Но все это, в конце концов, не столь существенно. Элемент модернизации в повествовании о недавнем прошлом — прием спорный, но — в рамках общей концепции романа — вполне оправданный.

Пред нами — насыщенный глубоким содержанием документ эпохи и в то же время — шедевр немецкой повествовательной прозы, который, надо надеяться, и в русском переводе не потеряет своего пленительного своеобразия.

Биография великого аболициониста

И. ФРАДКИН

Благородный образ Джона Брауна, «великий черных рабов», еще при жизни был овеян легендами. Столетняя молва разносила по всему миру имя отважного аболициониста, слухи о его подвигах обоглаживали официальные сообщения и газетные извещения, поэты, драматурги, романисты опережали историков.

И вплоть до сегодняшнего дня образ героя негритянского освободительного движения возникает в нашем представлении именно таким, каким он был создан литературной традицией, сохранивший не из литературной традиции, а из апокрифической легенды, рожденной народным воображением, воспринятых творческим вымыслом писателей и преданий, сохранившихся в негритянской фольклоре в грустных, мелодичных «спиритичуэз».

Ограниченность исторических сведений, скудость документов, обилие былых пят в биографии Брауна — все это привело к тому, что его традиционноподлинный образ обычно представлялся писателями более определенным в своих контурах, более оригинальным и ярким и духовно более содержательным, нежели его действительный образ, с трудом восстанавливаемый по немногим строго достоверным данным.

Писатели, творческое внимание которых привлекала колоритная фигура Брауна, гораздо чаще обращались к легенде, чем к истории. В значительной степени это относится и к современным американским писателям Майклу Голду и Майклу Бланкфурту, авторам драмы «Джон Браун», и Леонарду Эриху, написавшему роман «Муж господнего гнева». Произведения эти знакомы советскому читателю.

Биография Джона Брауна, написанная П. Кальма и вышедшая в серии «Жизни замечательных людей», представляет собой попытку исторического исследования. По своему своему она принципиально отличается от книг американских писателей.

Великий аболиционист не парит на страницах этой книги, как некий уже выходящий за границы человеческого пропорций феномен, поаляющий людей своей железной волей, суровым характером и нравственным аскетизмом, обезличивающим своих сторонников интеллектуальным превосходством и стихийной, почти устрашающей омерзительностью. Образ Брауна в книге П. Кальма чудят тех черт романтической гиперболизации, которыми проникнуты произведения Голда и Бланкфурта и особенно Эриха.

Браун изображен на широком культурно-историческом фоне в тесной связи с социальным движением эпохи. Он действ-

ствует в реальной бытовой обстановке Америки середины прошлого столетия. Его окружает шумная и нестройная толпа представителей самых различных общественных кругов: либеральные адвокаты из Бостона и Нью-Йорка, закаленные негры в переделках на Западе, свободные негры и невольники, южные плантаторы, вторично в труде фермеры — потомки пилотеров Новой Англии, самоотверженные борцы за свободу негров — аболиционисты, эмигранты из Франции, Пруссии, Австрии и Италии — революционеры европейских баррикад 1848 г., промиленники, священники, журналисты, кавалеры...

Широта социального фона не умаляет значення Брауна, но наоборот, придает его образу большую жизненность. Он действительно среди людей, а не на поминках. В подлинности его читатель верит. Подлинность эта автору дается с трудом, так как далеко не всегда она есть подлинность фактов и документов. Недостаток исторического материала подчас заставляет П. Кальма прибегать к домыслам, восстанавливая связь явлений путем логических догадок. Особенно сложно было «восстановить» процесс духовного формирования Брауна в годы его детства и юности, о которых сохранилось ничтожно мало сведений. Между тем, первые главы едва ли не наиболее удачные в книге; в них совершенно нет тех плохих и безвкусных версий, которые так часто вторгаются в повествовательную ткань романтизированных биографий.

Особенно незначительные подробности, Кальма основное внимание уделяет культурно-национальным моментам биографии великого аболициониста. Это, во-первых, борьба за свободный Канзас, когда в течение нескольких лет старик фермер и его семья, возделывая поле, жили, как библейские строители иерусалимского храма, с лопаткой камешника в одной руке и с мечом в другой, и, во-вторых, героическое выступление в Харперс-Ферри с последующим судом и казнью. Эти заключительные сцены написаны П. Кальма сдержанно и лаконично.

Британский пересмотр традиционного толкования образа Брауна, отказ от романтической стилизации, от мрачного байблского колорита, от обычного изображения «Старика Брауна» суровым и грозным пророком религии гнева, — все это оказалось плодотворным для книги П. Кальма. Но подчас в обрисовке духовного облика Джона Брауна автор впадает в другую крайность. Это выражается в некоторой модернизации воззрений Брауна, в несколько наивных попытках устранить

из них элементы, устаревшие с точки зрения современного передового мировоззрения, т. е. в недостаточном понимании того исторически своеобразного типа революционного сознания, которое наше свое полное воплощение в Брауне.

Браун был религиозен, и его религиозность нельзя отделить, как нечто постороннее, от его революционных идей. Над Брауном еще тяготело сознание его отдаленных предков — пуритан, солдат революционной армии Кромвеля, шедших в бой с пенем духовных псалмов. И в патриархальности его семейного быта, в благочестивой строгости его отношений с женой и сыновьями сказывалась все та же его религиозность. Между тем, эта черта Брауна не только не проанализирована Кальма с должным вниманием, но даже скорее затуплена.

Отсюда отчужденность Брауна от его первой жены — святой, его столкновение со священниками, официальными толкователями христианского учения в соответствии с интересами плантаторо-рабовладельцев, автор говорит о фактах, вполне достоверных. Но при этом он дает им односторонне-тензисное освещение, изобразив своего героя человеком, индифферентным в вопросах веры. Вряд ли Браун нуждается в подобном списковании.

Книга П. Кальма обрывается на казни Брауна. Такой конец нельзя признать вполне пропорциональным. Спустя месяц с лишним после казни Брауна Маркс писал Энгельсу: «К моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти [Джона] Брауна, с другой стороны — движение рабов в России».

Маркс со свойственной ему гениальной исторической прозорливостью указал в смерти Брауна не трагический конец аболиционизма, а, наоборот, начало великого освободительного движения. Через год с небольшим после казни Брауна началась гражданская война, приведшая к отмене рабства в Соединенных Штатах. Победа северных армий была также и военной победой Брауна; северяне сражались с его именем на устах; Союзников под аболиционистов сложил о нем походный песню:

Тело Джона Брауна тлеет в кочие,
Но душа его шествует вперед...
Тело Брауна в неспиритичуэз декабрьскую ночь 1859 г. было снято с виселицы и переложено в ящик для погребения. Но его «душа» — великие идеи, которые он отдал всего себя, — остались жить и победить. Это торжество бессмертия «души» над бренным «телом» и должно было, по нашему мнению, стать естественным эпилогом книги.

В виду П. Кальма нужно поставить небрежность в обращении с историческими фактами. Пресмертную записку Брауна автор выдает за речь, произнесенную им с эшафота. Генерал по прозвищу «каменный Джексон» Кальма превращает в лавана и заставляет его затирать петлю из шее Брауна. Список оппонентов можно было бы продолжить. Один из соратников Брауна — Лемел, убитый на странице 186-й, воскресает, дабы вновь умереть на странице 201-й. Подобные записки в высшей степени неуместны в полезной книге, имеющей познавательное значение.

Совещание сказителей

СИМФЕРОПОЛЬ. (Наш корр.). Недавно Крымский научно-исследовательский институт языка и литературы имени А. С. Пушкина созвал республиканское совещание кельев, сказителей и научных корреспондентов.

Совещание рекомендовало Научно-исследовательскому институту языка и литературы организовать в 1941 г. экспедицию в степные районы Крыма для собирания фольклорных произведений, обращая особое внимание на современных фольклористов. Кроме того институту и Союзу советских писателей Крыма рекомендовало систематически оказывать творческую помощь отдельным кельям и сказителям.

Johannes R. Becher. «Abschied». Einer deutschen Tragödie erster Teil, 1900—1914. Roman. Международная книга, 1940 г.

В. ФОМЕНКО

БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗЛАТОУСТЫ

Английский поэт Рандалл Суингер написал первый свой роман «Иет выборка» Н. Арбеяне в переводе Художественной литературы» в Ленинграде выпустили книгу, изобразив на переплете стили русской живописи образца 1919 г. с прикрашенным к нему красным флагом.

За исключением, возможно, русской интеллигенции не совсем тут уместной, но одно из названных обстоятельств не вызывает возражений. Рандалл Суингер — близкий нам по направлению писатель. Хотелось бы познакомиться с ним, как с автором, заранее внушающим симпатию, априори, по-дружески, и так же априори и открыто поговорить о его творчестве. Представьте же себе, что наше знакомство с ним обставили ритуалом, напоминающим древнюю восточную церемонию; красивые слова, ненужные поклоны, пригласительные комплименты. Примерно так выглядят предисловие к его роману, написанное Т. Хмельницкой.

В одном случае Т. Хмельницкая приходит к заключению, что априори биологизм мешает передовым героям Суингера мыслить и действовать, как подобает подлинным революционерам. В другом — она благожелательно расценивает прием Суингера, заявляя, что для него «тема сексуального раскрепощения (слова? как?)» — В. Ф.), тема освобождения тела и естественных инстинктов организма — не самоцель, а лишь предпосылка социальной свободы человека. Какается, советскому критику следовало бы с меньшим восторгом отнестись к творческим концепциям, ставящим в ногу на голову реальные взаимосвязи социального и биологического. Т. Хмельницкая, наоборот, возводит слабость в добродетель. Стремление к оригинальным обобщениям неудержимо усиливает литературоведскую культа в этом. «С помощью этой биологической наблюдательности», пишет Т. Хмельницкая, — он (т. е. Суингер) — В. Ф.) видит прелесть и остро, он глубоко вскрывает такие объективные явления в социальной жизни, как классовую роль в английской деревне».

В простоте душевной мы полагаем до сих пор, что художник тем острее вскрывает социальные явления, чем яснее они их видит, как таковые, без какой-то особой «биологической наблюдательности».

Кстати говоря, Т. Хмельницкая оставляет этот термин без пояснений, и он остается стабильной изобретательницей для всех, не посвященных в тонкости ее критических приемов.

Можно согласиться с Т. Хмельницкой, что символика Р. Суингера бесхитроно прямолинейна, и роман его во многом наивен. Вместе с тем никак нельзя не заметить одного очень важного обстоятельства: Суингер преодолевает, точнее, старается преодолеть в себе, ту самую «биологическую наблюдательность», какую наш критик возмущает в сале литературоведских и биологических наук. И когда это удается ему, он видит окружающий мир таким, каков он есть на самом деле. Тогда он заставляет своего героя думать и поступать, как обычно думает и поступает человек прогрессивный. Роль Тавернер, в начале романа исполняющий какие-то туманные, расплывчатые в бесплотной мечте истинные, отражающиеся от житейских треволаний, чтобы в тишине и покое наслаждаться личным счастьем, в конце романа распространяет среди солдат «коммунистический манифест». Для него, человека честного и душевно неподкупного, другого выбора нет.

Оставив в тени главное, что хотел сказать английскому читателю Суингеру, Т. Хмельницкая пространно и «красиво» говорит о «сексуальном раскрепощении», умильно убеждает там, где надо сказать суровую правду, может быть, и не совсем приятную.

Исключительная способность Т. Хмельницкой черное превращать в белое, применять в неуместных случаях тот же, где нужен прямой, открытый разговор, не выявлять бы никаких несоответствий, если взгляды на современность были ограничены кругом любителей звуков критики, ставящих в ногу на голову реальные взаимосвязи социального и биологического. Т. Хмельницкая, наоборот, возводит слабость в добродетель. Стремление к оригинальным обобщениям неудержимо усиливает литературоведскую культа в этом.

Первороден ли стиль Т. Хмельницкой или заимствован у кого-нибудь — вопрос не столь уж важный. Но нечто подобное можно встретить не только в ее статьях. Как видно, кокетливая вычурность слога преобладает в ряде ее редакций. В августовской книге журнала «Знамя» нам довелось прочитать статью Р. Миллер-Будницкой о романе Джона Стэйбека «Гроздь гнева». В самом начале статьи

читаем: «Книга Стэйбека вся дышит страстью, которой она рождена. Это та страсть, которая, овалевая массами, становится материальной силой, движущей силой исторического развития, великого ода составляет основу и стержень всемирной истории, расщепляемой во всемирной истории, расщепляемой во всемирной истории... Мы вовсе не о материальной силе идеи, ставшей достоянием масс, здесь применена к слову «страсть». Перефразировка, вообщем говоря, допустима. Вот коротковещность тут прямо-таки нектар. Затем — нельзя ли вежливо обратиться со всемирно-историческими масштабами, патетическими и космическими «смыслами». К чему также переувеличения и выспренность?»

Р. Миллер-Будницкая называет роман Стэйбека патетическим поэмом, языческой княгой. Чтение романа воскрешает в ее памяти «картины отдаленного исторического прошлого: народ, козущий по пустыне в своих странствиях к земле обетованной; дым костров ночной под ночным небом пустыни... патриархальные семьи, тянувшиеся длинными вереницами, с орами овец, с табунами коней, с караванами верблюдов; скрип повозок и топот коней, мычанье и блеяние стад, медленный шаг тяжело нагруженного вьючного скота, плач младенцев, блуждающие орудия, и голос сказителя или певца по ночам у костра под тихий рокот струн».

Какой-то историко-мифологический «ловчий котел» Библя и Микла Селянинова, полтора Рубена и мутный поток туманов, фанатической армией, Абраам Линкольн и конквистадоры, красноречивый, похотливый Спенс и Кромвель, Робин Гуд и праматерь Рахила, алоха Реформации и перобитый человек... А где же современная Америка, с ее хваленой и разлетевшейся донага Стэйбеком демократией? Увы! Автор не делал до столь прозаических вещей. Куда увлекательней просветить аполитическими картинами, смешав в одну кучу эпохи и века. Пусть читатель разберется во всеобщей смалет! Дело автора — большие замудрить, разгромить четкие пирамиды замысловатых фраз, а после нас — хоть потоп!

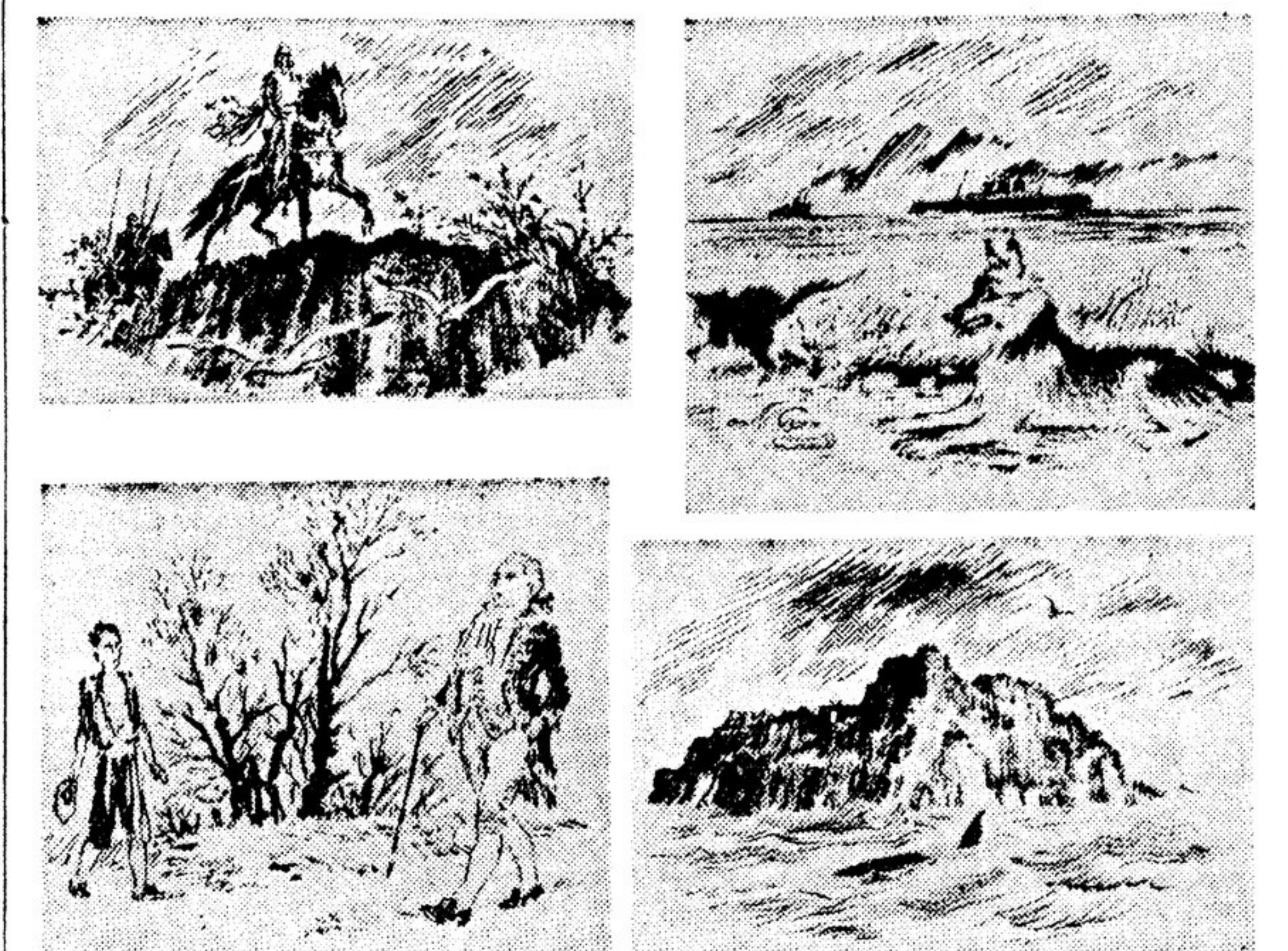
Попытаемся все-таки найти смысл в этих трудно читаемых тирадах. Как утверждает Р. Миллер-Будницкая, с первых же страниц книги Стэйбека «встает мир варварской мощи и ярости, еще не отравленный всепроникающим ядом машинной капиталистической цивилизации, все

еще близкий к земле и ее жизни». Помните! Библя и Микла пересола на колесе и овалевая масса? Неужто патетические воззрения старых Дюбуа, древнороман-кристианская психология — это реально сила в борьбе с капиталистическим трактором, сносящим их жалкие хижины? И вообще, разве смысл романа Стэйбека, изображающего трагедию американского фермера, крах сохранившихся в крестьянской среде буржуазно-демократических иллюзий, в прославлении «мира варварской мощи»?

Мысль о варварах не дает Р. Миллер-Будницкой покоя. Прибавляя к ассоциациям, она живописует: «Новый восстает древний эпический мотив: нашествие варваров на богатейшую, но неразвучую, уже одряблешую, исторически обремененную цивилизацию. Отсюда, со склонов гор, из серды пустыни, из далеких земель обрушиваются варвары, остро алчущие эту плодородную пустыню землю и ее богатства и культурные богатства». Против автору стилистические изъясны. В данном случае не погрешности стилистическое слово. Сама аналогия чрезвычайна, абиогония. Будущая американская революция и век Атапалы — не слишком ли увлекла наш литературовед? Ведь как будто не те времена, и песни как будто должны быть другие.

Неосторожное применение ассоциаций и прилежность к «высокому стилю» сыграли злую шутку с Р. Миллер-Будницкой. Вызван духом, она не сумела с ними справиться. И статья о хорошей книге проливалась идеализацией современности, одичавшей, к которым приводит современный капитализм крестьянские массы. Какими бы оговорками автор ни заканчивал статью, — от нее, в лучшем случае, сильное отдал политическое наивность.

Все, о чем мы скакали выше, бледнеет в сравнении с откровениями П. Громова, автора статьи «Уроки Акоста» в Малом театре» («Ленинград» № 23—24, 1940 г.). Сказана Акоста — никакой не мыслитель и вообще отсталый тип. Вот де Сильва и де Сантоэ — это да! Акоста просто одержим духом сомнения, тогда как де Сильва — диалектик. Так прямо и написано. Вот что говорит П. Громов по поводу спора Акоста с Бен-Акибом, де Сантоэ и де Сильва. Приведя содержание спора, он задает вопрос и тут же отвечает: «Кто же прав? Акоста ли, считающий, что все в мире разрозненно, случайно, сомнительно, или де Сильва, считающий, что все в мире органично, связано, закономерно? Конечно, де Сильва. Мыш-

Четыре иллюстрации художника В. В. Лебедева к книге С. Я. Маршак «Английские баллады и песни». Книга выдана в ближайшее время в издательстве «Советский писатель».

Обсуждение произведений В. Ковалевского и Е. Долматовского

Дневник пятого дня

На вечер, посвященный творчеству писателя В. Ковалевского, обсуждали его книгу «Хозяин Трех гор»...

С мнением т. Тарасова решительно разошлись В. Гроссман, А. Тихонов и А. Роскин...

Стремление В. Ковалевского изображать в своих произведениях чудиков и надежды их чертами людей современности...

Положительную оценку получил доклад о творчестве В. Ковалевского на конференции...

Единодушное одобрение всех выступавших вызвал рассказ Ковалевского «Глеб»...

Н. Замошкин

Ковалевский — писатель талантливый, большой литературной культуры, мыслящий не «блонином»...

Книга «Хозяин Трех гор» оказалась мне интересной. В ней собрано большое количество ценных фактов...

Роман этот — не обычная по содержанию книга. Здесь нет ни баталей, ни государственных деятелей...

В романе «Хозяин Трех гор» Ковалевский показывает нам мир, в котором человек не является объектом изучения...

Ковалевский любит чудиков, оригиналов, самоучек Саложника Савелия, Егор и другие...

В романе «Хозяин Трех гор» Ковалевский показывает нам мир, в котором человек не является объектом изучения...

А. Тихонов

Я хочу говорить о двух произведениях В. Ковалевского: о романе «Хозяин Трех гор» и повести «Академия необходимых наук»...

Что касается «Академии необходимых наук», то я резко расхожусь с теми, кто говорит, что повесть неудачна...

Автоматически добросовестно пошел я работать. Это человек чрезвычайно бережлив и внимательно относящийся к материалу и к своему труду...

Действие в повести развивается без всякого сопротивления. Все действующие лица персонажи — хорошие люди...

Особенность его заключается в том, что главный герой — не Прохоров и не кто-нибудь другой, а самая фабрика. В этом отношении он напоминает «Жерминаль»...

Здесь кроется утонченная вещь, и это — главный ее недостаток. Новое человеческое общество создается не так просто...

«Хозяин Трех гор», как мне кажется, никак нельзя назвать романом и даже наиболее удачным историческим романом...

Мне хочется поговорить о некоторых частностях работы Ковалевского. В «Хозяине Трех гор» недостаточное широкое историческое фоновое изображение...

А. Роскин

А. Н. Тихонов сравнивал книгу Ковалевского «Хозяин Трех гор» с произведениями Бюля и Лемона...

экономическими вопросами. В советской литературе был период, когда доминировал жанр очерка...

в романе не ощущается движения жизни, подлинного движения истории...

И все же надо признать, что книга располагает к себе читателя в ней много привлекательных черт...

С большим удивлением я слушал выступление т. Тарасова, который так странно оценил превосходную повесть «Академия необходимых наук»...

В. Гроссман

Книга «Хозяин Трех гор» оказалась мне интересной. В ней собрано большое количество ценных фактов...

Один из выступавших считает героем книги — Прохорова, другой — самую фабрику, мануфактуру. А мне кажется, что героя в книге нет...

Наибольшей удачей автора Строния — носитель доброго начала, гуманный русский мужик, противопоставленный буржуазному мужику...

Привяжусь мне и остальные фигуры повести. Я не согласен с Роскиным в том, что Галишев написан неинтересно...

Конст. Федин

Большинство выступавших признало В. Ковалевского одаренным писателем. Я также присоединяюсь к этому мнению...

Мне хочется только выразить сожаление, что у нас на сегодняшнем заседании прилагали слишком общие и отвлеченные суждения...

Я скажу несколько слов о повести В. Ковалевского «Академия необходимых наук». Эта повесть написана чрезвычайно хорошо...

В общем повесть хороша, но есть места спорные, непродуманные. А их много бы не было...

Рассказ «Глеб» здесь хвалят по достоинству. Он очень хорош. Но в нем много изысканности...

Я очень жалею, что не прочел романа «Хозяин Трех гор», но сделаю это, потому что как автор Ковалевский произвел на меня очень хорошее впечатление...

Дневник шестого дня

Доклад В. Перцова о творчестве Е. Долматовского предствляло обстоятельное и интересное выступление...

Ф. Левин развил в своем выступлении мысль К. Зелинского о необходимости культурной революции в советской оборонной поэзии...

Ф. Левин считает, что Долматовскому часто удается найти в своих стихах интересные и неожиданные повороты...

А. Тарасовов видит достоинство стихотворения Долматовского в том, что в них отражены всевозможные выходы времени...

К числу недостатков поэзии Долматовского Тарасов относит то, что в его стихах настоящий драматизм порой подменяется сентиментальным...

рассказ. Раузмеева, ничего общего учителя Галишев с учителем Беликовским не имеет...

Фигура Галишева оказалась до крайности оригинальной. Мне же она представляется сюжетом шаблонной. Учитель-педагог с барскими манерами...

Долматовский в годы сталинских пятилеток. Он прошлея со своим мальчишескими годами и входил в жизнь, жаждал ее...

В начале ответственной тема — тема войны, обороны. Родина постепенно становится для Долматовского, как и ряд других писателей, все более реальной...

Долматовский молодой, но в некоторых его стихах из книги «Три времени года» проявляются эстетические недостатки...

Читатель хотел бы большей зрелости — подлинной, не «литературной», условной. И это пришло поэте, когда жизнь поборола выдержать серьезные испытания...

Рассказ «Глеб» — превосходный рассказ, действительно лучший из рассказов Ковалевского...

Мне кажется, неправильно говорить о Ковалевском, как о начинающем, «растущем» писателе. Это зрелый художник...

Мне кажется, неправильно говорить о Ковалевском, как о начинающем, «растущем» писателе. Это зрелый художник...

В. Перцов

Я хотел бы свое выступление посвятить следующему вопросу: поэзия Долматовского пользуется определенным успехом...

Многие в стихах Долматовского кажется мне не поэзией, а только высказыванием на ту или другую возмущающую нас тему...

Возьмем, например, такое стихотворение, которое должно пользоваться успехом по своему содержанию, стихотворение «Гадюшка»...

И нашей тайны не узнает врагам. Затем примерно такое же по смыслу стихотворение из книги «Три времени года»...

В стихотворении говорится о родине. Оно захватывает так: В сердце пронюху я осторожно Родину — сокровище мое...

Если произведение живет долго, значит в нем заключено большое идейное зерно. С этой точки зрения я и подхожу к поэту...

К. Зелинский

Мне хочется ответить самому себе и выступавшим здесь товарищам на вопрос, который был задан докладчиком...

Понятие «поэзия» включает в себе очень много вещей, и, как вы знаете, это понятие меняется с течением времени...

С этой точки зрения я отношусь к работе Долматовского положительно, я принимаю его работу, как поэтическую...

Книга «Три времени года» посвящена оборонной теме. Но лирическая тональность, отличная все стихи, помещенные в ней...

Вот, например, стихотворение «Перед боем». Это мысли о том, что оставлено дома и что перед боем кажется двойне дорогим и любимым...

Я думаю, что Долматовский стоит на правильном пути, что это один из поэтов, от которых можно ждать поэтического отклика на ряд важных вопросов, выдвигаемых жизнью...

Е. В. Вишневский, не нужно забывать о том, что существует и большой народный счет к поэзии...

В заключение Е. В. Вишневский правильно высказал ряд несправедливых и неверных суждений о творчестве Долматовского и о причинах популярности современных молодых поэтов...

Е. В. Вишневский

Евгений Долматовский — поэт, сформировавшийся в годы сталинских пятилеток. Он прошлея со своим мальчишескими годами...

В начале ответственной тема — тема войны, обороны. Родина постепенно становится для Долматовского, как и ряд других писателей, все более реальной...

Долматовский молодой, но в некоторых его стихах из книги «Три времени года» проявляются эстетические недостатки...

Читатель хотел бы большей зрелости — подлинной, не «литературной», условной. И это пришло поэте, когда жизнь поборола выдержать серьезные испытания...

В. Перцов

Я хотел бы свое выступление посвятить следующему вопросу: поэзия Долматовского пользуется определенным успехом...

Многие в стихах Долматовского кажется мне не поэзией, а только высказыванием на ту или другую возмущающую нас тему...

Возьмем, например, такое стихотворение, которое должно пользоваться успехом по своему содержанию, стихотворение «Гадюшка»...

И нашей тайны не узнает врагам. Затем примерно такое же по смыслу стихотворение из книги «Три времени года»...

В стихотворении говорится о родине. Оно захватывает так: В сердце пронюху я осторожно Родину — сокровище мое...

Если произведение живет долго, значит в нем заключено большое идейное зерно. С этой точки зрения я и подхожу к поэту...

К. Зелинский

Мне хочется ответить самому себе и выступавшим здесь товарищам на вопрос, который был задан докладчиком...

Понятие «поэзия» включает в себе очень много вещей, и, как вы знаете, это понятие меняется с течением времени...

С этой точки зрения я отношусь к работе Долматовского положительно, я принимаю его работу, как поэтическую...

Книга «Три времени года» посвящена оборонной теме. Но лирическая тональность, отличная все стихи, помещенные в ней...

Вот, например, стихотворение «Перед боем». Это мысли о том, что оставлено дома и что перед боем кажется двойне дорогим и любимым...

Я думаю, что Долматовский стоит на правильном пути, что это один из поэтов, от которых можно ждать поэтического отклика на ряд важных вопросов, выдвигаемых жизнью...

Е. В. Вишневский, не нужно забывать о том, что существует и большой народный счет к поэзии...

В заключение Е. В. Вишневский правильно высказал ряд несправедливых и неверных суждений о творчестве Долматовского и о причинах популярности современных молодых поэтов...

Е. В. Вишневский

Евгений Долматовский — поэт, сформировавшийся в годы сталинских пятилеток. Он прошлея со своим мальчишескими годами...

В начале ответственной тема — тема войны, обороны. Родина постепенно становится для Долматовского, как и ряд других писателей, все более реальной...

Долматовский молодой, но в некоторых его стихах из книги «Три времени года» проявляются эстетические недостатки...

Читатель хотел бы большей зрелости — подлинной, не «литературной», условной. И это пришло поэте, когда жизнь поборола выдержать серьезные испытания...

В. Перцов

Я хотел бы свое выступление посвятить следующему вопросу: поэзия Долматовского пользуется определенным успехом...

Многие в стихах Долматовского кажется мне не поэзией, а только высказыванием на ту или другую возмущающую нас тему...

Возьмем, например, такое стихотворение, которое должно пользоваться успехом по своему содержанию, стихотворение «Гадюшка»...

И нашей тайны не узнает врагам. Затем примерно такое же по смыслу стихотворение из книги «Три времени года»...

В стихотворении говорится о родине. Оно захватывает так: В сердце пронюху я осторожно Родину — сокровище мое...

Если произведение живет долго, значит в нем заключено большое идейное зерно. С этой точки зрения я и подхожу к поэту...

К. Зелинский

Мне хочется ответить самому себе и выступавшим здесь товарищам на вопрос, который был задан докладчиком...

Понятие «поэзия» включает в себе очень много вещей, и, как вы знаете, это понятие меняется с течением времени...

С этой точки зрения я отношусь к работе Долматовского положительно, я принимаю его работу, как поэтическую...

Книга «Три времени года» посвящена оборонной теме. Но лирическая тональность, отличная все стихи, помещенные в ней...

Вот, например, стихотворение «Перед боем». Это мысли о том, что оставлено дома и что перед боем кажется двойне дорогим и любимым...

Я думаю, что Долматовский стоит на правильном пути, что это один из поэтов, от которых можно ждать поэтического отклика на ряд важных вопросов, выдвигаемых жизнью...

Литературная газета

№ 14 3

«Одиночество» Н. Вирта

Н. Вирта задумал свое произведение, прежде — писал романы, очень давно. Это работа корреспондента газеты «Грудь», он вынашивал идею «Одиночества», образы Сторожева, Льва и Шитрица Багарда, Антонова, Листрата, Ленки. Уже тогда, в 1935 г., он рассказывал о своих замыслах, впоследствии сильно развилось, вошедшими в предвидительных его книгах. Даже в предвидительных беседах обращал на себя внимание редкое знание материала, продуманность положений, серьезность в трактовке узловых конфликтов произведения. Это социальное и желанное писателю, доходчивым почти до одержимости.

В рассмотрении образа кулака Сторожева — основной удача автора. Вокруг этой фигуры завязаны узлы всего романа «Одиночество». Автор сумел на судьбе Сторожева показать судьбу и обреченность класса кулачества. Рисуя возникновение, расширение и гибель антоновщины в тамбовских деревнях, Вирта нашла в себе достаточно силы, чтобы дать широкую картину народного движения, разгромившего и уничтожившего антоновские банды.

Кровавый бред антоновщины, которым подпитывали тамбовские крестьяне за доверие эсеровским агитаторам, послужившим им блага «мушкетерского царства», возникает перед читателем «Одиночества» во всей своей страшной реальности. Тяжело ложится в память сцены палаческой расправы Антонова над пленными, кошмарные провозглашения антоновских извергов. Хорошо видна читателю бесперспективность антоновщины. Она раскрыта и направлена мыслями самого вожака восстания: «С этими армиями... думал он, — начну дело, сотни армий соберу по дороге на Москву, миллионы мужиков приведут под стены Кремля... Ну, и что же дальше? — часто спрашивал себя Антонов. — Что же дальше я сделаю с мужиками, когда приведут их под стены Кремля?... Думалось, что там, в Москве, склонят перед ним все головы, его выберут в вожди не армии, но народа. «А дальше, что же? Ну, выберут меня, ну, кличку навесят, а даль-

ше? С землей как, с рабочими как?» И представлялось ему, как будут делить власть между собой друзья и товарищи, как злобно опираться друг на друга Шитриц и Пушников, как покраснеют глаза у Сторожева, этого седого вола. «Нет, они сподобят меня», — пугался Антонов, — верю Петька говорил, сожрут меня, а потом начнут жрать друг друга». Антонов борется Сторожева, бьется Сафирова, а все они вместе бьются нарча, который они предадут и без поддержки которого они обречены на смерть.

Книга показывает борьбу за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, движение крестьянской массы к коммунизму. Показывает разговор комиссара и командира Красного отряда: «Это на нашем языке знают, как называется! Это значит нарушение союза рабочих и крестьян». И комиссар вспоминает, как ему рисовали в Тамбове Антонова, его окружение и весь матеж: «Собирали новобранцев пленных и воров», «кулака держат в кулачных сынов, вооруженных пистолетами и топорами». Только здесь, на месте, «командир увидел широкие планы, составленные продолжением и хитрым политиком. Здесь проявил командир, что надо по-новому строить борьбу, по-другому вести войну». И первое, что они сделали, — известил об этом Владимира Ильяча.

Не много места занимает в повести описание встреч тамбовских крестьян с Лениным. Но эта встреча становится опутываемым поворотным пунктом всего движения и кульминацией действия повести. Устав правду о советской власти, трудовое крестьянство отшатывается от Антонова. «Он еще крепко держался за власть, он еще писал воззвания, он еще бахвалится своими силами. Но даже самые верные деревни и хутора уже смотрели печально, из полей все чаще и чаще стали убогать по домам люди. Крестьяне мужички сдвинулись, конечно, не думали, да ведь разве это сила? С одними богатыми долго не повоюешь, — это Антонов по-

нимал». И вот — развязка: «Отряд тянул на глазах, автопоходчики были крестьяне, были коммунистические отряды, сторожецкий отряд крутился по округе, лошади падали, люди были голодны и злы».

Крестьяне рассуждали так, рассказывая о речи Ленина: «Иная речь целой армии стоит. Война кончилась, разверзлась не лужка, с хлебом делай, что хочешь, середняку и вера, и почет, и дружба, что же тебе еще надо? Антонов среднего мужика на продрозвертку поймал, а теперь так на он его поймают? С кем ему выгодней дружить, как по-товарищески, с рабочими или со Сторожевыми?»

Кровавая муть схлынула. Вожаки остались без армии. Начался последний этап распада антоновщины. «Незримое сжималось круг, внутри которого бродил Сторожев». За первыми двумя разделами книги «Матей» и «Разгром» следует третий: «Волк». Эта часть наиболее сильная. Если в первых двух частях заимовались сцены на хуторе у Кособоклова, где спрятался в стору сена Фелька, встреча братьев Ленки и Иштраты, — то в третьей части повествование достигает особой вышеступости во всех эпизодах, связанных со Сторожевым; напряженно описано свидание Сторожева с семьей, его допрос, встреча с братом, последние минуты перед побегом.

Некоторые дефекты композиции и языка «Одиночества» никак не могут затмить крупных его достоинств. Автор полно и наглядно раскрыл волею внутри Сторожева и сумел противоставить обреченному на гибель врагу широкую картину народного движения.

Остается вместе с поздравителями автору, получившему Сталинскую премию, пожелать, чтобы в его новой многоотраслевой работе, задуманной и уже осуществляемой, широта замысла и охвата материала не ослабела той степени углубления в психологию человека, которого автору удалось достигнуть в «Одиночестве».

Владимир Соловьев

Производство, где Владимир Соловьев работал подручным монтера, дало ему первый круг жизненных наблюдений, газета, в которой он сотрудничал, шлафовала лучшие стороны литературного дарования. Газета требовала простоты, лаконичности, поощряла речь образную, афористическую, ценила юмор и иронию.

И уже в первой пьесе молодого поэта все эти свойства сказались весьма отчетливо. Превосходное знание рабочего быта, заводской среды, рабочего юности давали возможность Соловьеву создать ряд запоминающихся и правдивых образов. Всем, кто видел спектакль «Лишняя жизнь» в Театре революции или кто читал пьесу, наверное, запомнилась обаятельный образ рабочего Васи (играл его заслуженный артист республиканки Д. Н. Орлов), его гордый лафос, его четкие и сочные филиппики, злые и остроумные реплики. Советский зритель несомненно был тронут той душевной теплотой, которой были наделены у Соловьева лучшие представители молодежи. Хотя собрания на сцене в то время бывали в каждой пьесе и изрядно пелись, Соловьев сумел написать такую сцену собрания, написать ее так искренней изобретательностью, согреть ее таким лиризмом и таким юмором, что сцена эта в «Лишней жизни» радовала и трогала весь зрительный зал.

Уже по «Лишней жизни» было ясно, что драматургия — истинное призвание Соловьева. «Чувство сцены», умение привлекать интерес зрителя к каждому эпизоду, превосходное умение строить диалог, искусство меткой в сжатой характеристике — вот лучшие свойства этой пьесы.

Но формально литературные достоинства сами по себе еще не есть зрелищность художника.

Юношеская незрелость мировоззрения сказались в «Лишней жизни» разлитого рода индивидуалистическими увлечениями. Они нарушили цельность произведения и обескровили его лучшие свойства. Мо-

лодому поэту предстояло пройти известный жизненный путь, известную школу политического воспитания, чтобы оказаться на уровне тех задач, которые советскому художнику ставит современная действительность, чтобы художественное дарование его могло развернуться в полную силу. И юность это произошло. Соловьев дал одно из самых значительных произведений советской драматургии — «Фельдмаршал Кутузов».

«Фельдмаршал Кутузов» — прежде всего произведение больших патристических чувств. Когда зритель смотрит эту пьесу о переломном прошлом, он переживает события ее в настоящем и готовится к будущему. Образ фельдмаршала, воплощающего лучшие свойства русского народа, написан в пьесе с истинно художественным проникновением. Глубокая мудрость, сознание силы, непреклонное мужество и глубокая вера в неиссякаемые силы народа превосходно сочетаются в Кутузове с его лукавым юмором; кажущаяся наиболее простотой прикрывает глубокую принципиальность и холодный расчет государственного деятеля. Кутузов в пьесе Соловьева — не только мудрый и благодушный генерал, — это живой и страдальческий человек. Он ведет тяжелую борьбу с могучим внешним врагом и одновременно вынужден вести не менее тяжелую борьбу с коварством царского двора, с пронырками английского правительства в его собственном штабе. Лучшее место в пьесе и одна из самых сильных и выразительных сцен в советской драматургии — монолог Кутузова после совещания в Филях.

Победа или Москва? Пред волной моей Мне должно быть теперь в ответе За то, что я Москвой пожертвовал победой...

А есть ли жертва тяжелей?... Поверят ли войска, узнав о потере? Паление Москвы увидят наяву? Что именно затем и отдал я Москву,

Что обмануть народного доверья Не захотел. Поверят ли нет? Как повелю полки, их домыслы не зная? Ужель мой войска готовят мне в ответ Судьбу несчастного Барклайя?..

Кутузов победил, потому что опирался на силы народа, владел доверием народа, понимал силу врага и не преуменьшал ее. И также отчетливо понимал он силы, противодействующие ему в его собственном штабе.

А Бенгтсен в моем записке списке Как русской службы генерал С немецким именем, но человек — английский

— говорит Кутузов Багратиону, в сжатой форме раскрывая источник опасного влияния на русский двор и тем предостерегая храбрейшего суворовского питомца от презренных увлечений.

Тема «герой и народ» в пьесе Соловьева раскрывается необычайно жизненно и в подлинно пушкинской традиции.

Именно Пушкин, Грибоедов, а не Ростан влечет Соловьева. И если в характеристике французских персонажей и звучат нотки ростановской иронии, то вряд ли можно говорить о серьезном влиянии этого французского романтика на творчество Соловьева.

Творчество Соловьева гораздо сложнее и богаче, чем это кажется на первый взгляд, и оно не укладывается в те элементарные характеристики, которые пытаются навязать ему некоторые критики. Это — творчество серьезного художника, драматурга, по преимуществу. Желая быть понятным миллионам, он не может становиться на путь бесплодных формалистических изысканий. Отдельные слабости его произведений нуждаются в критике точно так, как работа в целом заслуживает того большого поощрения, которым она отмечена советским правительством, пришедшим В. Соловьеву Сталинскую премию.

«ПУТИ ПОКОЛЕНИЯ»

Отрывок из незаконченного романа

Библиотека у Вали не очень бедная, но в ней тесно, темно, а спаруля у двери нет ни одной витрины, ни одного рекламательского списка. Вали работает в библиотеке всего вторую неделю, за это время даже самый опытный библиотечник ничего бы не успел сделать.

Как-то книги Вали раскладывает на столах. Они лежат в хороших ярких переплетках с красивыми заглавными надписями, с золотым и серебряным тиснением. Иногда их берут в руки и перелистывают, но затихают со склоненной головой вовсе не над ними, а над тоненькими тетрадиками журналов «Наука и техника», «За рулем», «Радио». Вали знает, что это необходимые признаки первого читательского этапа. Когда она ближе познакомится с посетителями библиотеки, дело пойдет быстрее. Уже вчера к ней подошел юноша с черными глазами, хорошенький, как девушка, и песмело попросил:

— Товарищ Осипова, честное слово... я по запискам и верну, в полной исправности верну, знаешь, когда? Я верну пятнадцатого числа. Хорошо?

В руках у него серый томик «Петр I». — Так нельзя, — сказала Вали — не разрешается на дом.

Юноша в смущении раскрыл «Петра I» и сказал так же решительно:

— Вот увидите, товарищ Осипова! Я никому не скажу, никто не узнает.

— Узнают. Вот вы посетите книжку домой, и все увидят, обязательно ко мне прибежут, скажут: Нестерова дали, и мне дайте.

Юноша обрадовался: опасность была не такой большой, как ожидала Вали:

— Я, знаете? Я под посом спрячу. Никто не узнает.

— Вот видите! Книжку под посом! Разве можно?

— Ну не под посом... а знаете... я за пазуху положу, там чисто, честное слово, чисто.

И юноша через бортик гимнастерки показывал действительно чистый край сорочки.

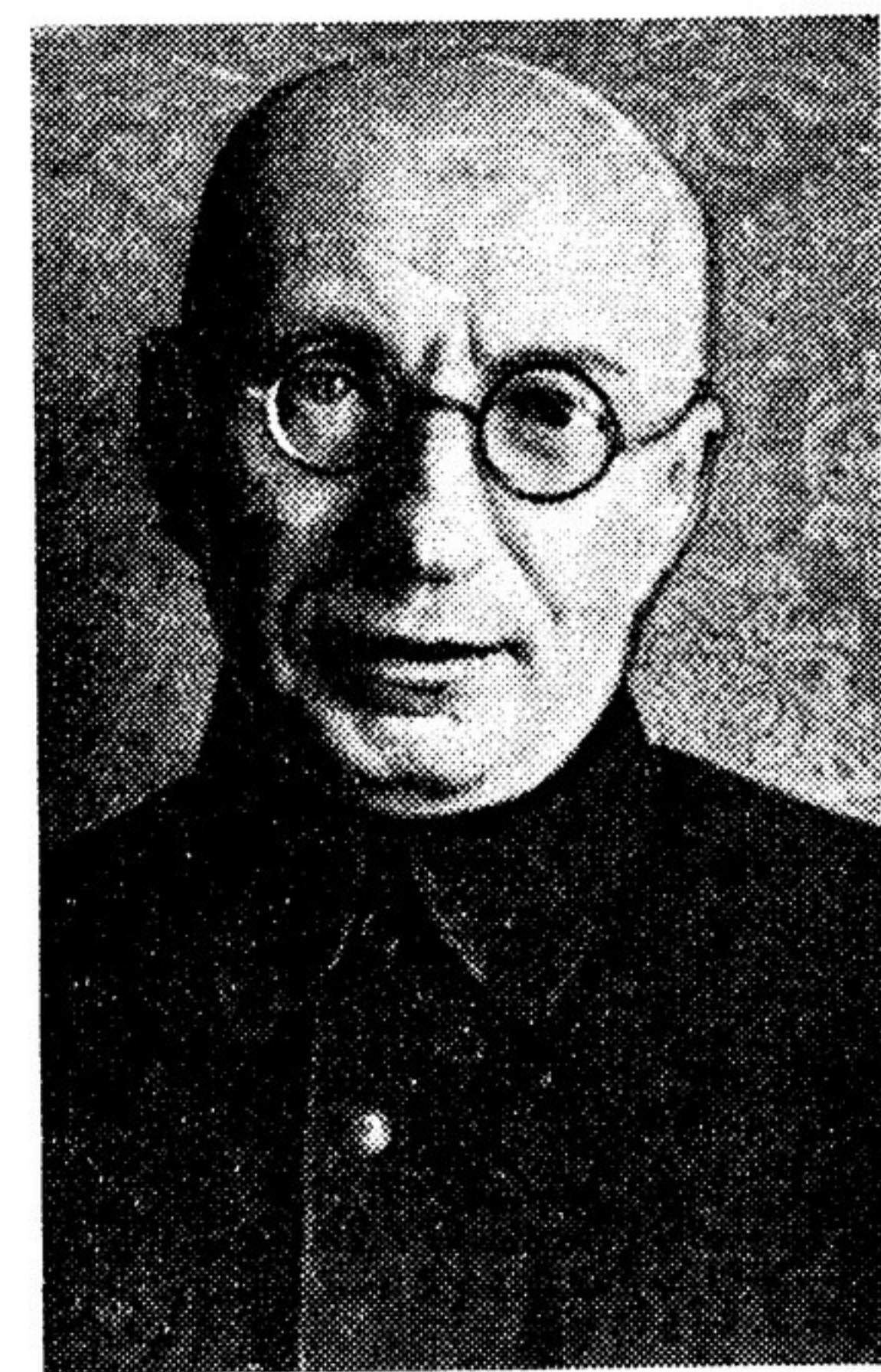
А сегодня пришла из инструментально-го пеха Давид Резник, пересотрел все книги на столах, потом стал против столика Вали:

— Скажите, есть такие книги, которые о любви?

Он не покраснел, а только посерьезнел и объяснил, чтобы не было недоразумений:

— Это я знаю: есть романы, так в них просто все описывается про людей, как будто были такие люди. Так это я знаю. А может, у вас есть такие книги, чтобы не романы, а чтоб так... чтоб серьезно.

У Давида Резника длинное худое лицо, а нос полный, мясистый. Он не горит вперед, как у других людей, а как будто прихвачен на лице. Скулы у Давида наизящно помещаются под кожей, такие они острые и выпирающие. Вообще Давид только с большой натяжкой может быть

А. С. МАКАРЕНКО
На 2-й годовщине со дня смерти.

позван красивым юношей. Но он стоит серьезный перед Валий и требует серьезную книгу о любви. По Давиду видно, что такая книга ему действительно нужна дозрелости, и Вали чувствует, что она обязана дать ее ему.

— Давид, что же вы предлагаете? А вы читали «Аппу Каренину» Льва Толстого? Вы, кажется, брали у меня.

— Нет, «Аппа Каренина» что! Там ничего нет определенного. Это роман, я не хочу роман.

Вали морщит лоб. Нет, в ее библиотеке нет такой книги. С неприятным чувством выпли она вспоминает, что такой книги она вообще не знает.

— Стойте, Давид! Как же это я забыла «Викторию» Гамсуна. Вы не читали?

— «Викторию»? Не читал. Гамсуна? А это кто такой Гамсун? Это же наш? Так это же роман.

— Нет роман. Но это ничего, Давид. Это ничего. Вы прочитайте.

— Нет, я не хочу роман. Роман меня не устраивает. И там наверное все плохо кончается. Печально кончается.

Он с грустным вопросом смотрит в глаза Вали. Вали разочарованно кивает. В самом деле у Гамсуна все грустно кончается.

— Нет. Вы посудите, товарищ Осипова! Для чего мне такая книга. Если нужно, чтобы лезало кончалось, так это каждый сумеет. А если нужно, чтобы хорошо кончалось, так надо научиться. Страшно, почему никто не напишет такую книгу? Такую книгу в первую очередь нужно написать.

Вали согласилась с Давидом, и Вали частично отвечает за отсутствие такой книги, но расстроенное лицо Давида на-

чинает интересоваться ее и с другой стороны:

— А для чего вам такая книга?

— Мало ли для чего? Назо же прочитаю! Не понимаю: о технике написали, о звездах написали, о разных животных, которых давно нет, тоже написали! А о любви почему-то не написали.

Давид улыбается и моментально хорошеет.

— Надо же сказать по этому вопросу что-нибудь определенное!

Он все-таки смотрит на Вали с пощадкой, и Вали склоняет на-бок голову.

— Давид, я пошла в городе такую книгу. Но насколько я помню, нет такой книги, Давид!

— Спасибо, — говорит Давид Резник, — очень буду благодарен.

Он ушел последним, и Вали занялась приведением библиотеки в порядок. Она распределяла книги по полкам, складывала на столе газеты и журналы, и все ей казалось, что она сейчас вспомнит книгу о любви. Потом вдруг она вспомнила другое. Как странно. И она любила, и другие люди кругом любили и любят, почему ни разу никому в голову не пришло издать серьезную книгу о любви, которая было все написано «определенно», как говорил Давид Резник. Вали прыгала с лестнички на лестничку, и быстрыми движениями проносилась у нее все какие-то интересные и в общем приятные мысли: хорошо было, что Давид Резник ищет такую книгу, хорошо было, с другой стороны, что другие люди не считали собой спекулянтами в этой области. И может быть, замечательнее всего было то, что книга о любви еще не написана, по-прежнему кто-нибудь напишет. Она выйдет в светском издании, и Вали получит ее свежую, чистую, свою, и никто не скажет о книге, что она отображает буржуазную мораль. В самом деле, что общего между Давидом Резником и Аппой Карениной, и зачем ему учиться страдать у Гамсуна? Вале даже показалось на одну только секунду, что в мире все хорошо устроено, потому что, допустив, такую книгу о любви кто-нибудь написал...

Вали остановилась с пачкой книг в руках и мечтательно улыбнулась: воображаю, какая получится бы радость. Разве можно написать книгу о любви, вообще о любви? Чудак этот Давид! Ему все хочется знать, чтобы все было определенно, тогда и жить не нужно. Зачем жизнь, если все написано. Прочитай и... и все как по нотам!

Вали даже вздрогнула от отращения. Она нахмурила бровки и, подымая книги к полке, закусила губу. Пускай. В ее жизни любовь тоже получалась... очень, очень неудачно. Ну и пускай. Все-таки это лучше, чем по книге. И кроме того, а кто знает, как будет завтра? Никто не знает. Какая завтра придет любовь? Может быть, такая придет, что и самому Гамсуну не снилась.

За редактированием рукописи

Впервые познакомиться с Антоном Семеновичем мне пришлось около десяти лет тому назад. Мне поучили редактировать рукопись «Марш 30 года». Это было первое произведение Антоны Семеновича, готовившееся к печати. Оно коллективнее более поздних книг Макаренко, написанное гораздо более робко. Но и так уже сразу ощущалась особая макаренковская свежесть обращения с привычными понятиями, представлениями, целый везланный парадоксов юмор, украинская хитрица и необычайная душевная чистота. Макаренко обладал ценнейшим даром — в любой мелочи, в любом факте раскрыть свою прекрасную, редчайшую чистоту, душу. Как и все книги Макаренко, повесть «Марш 30 года» очень умна. Его творчество возникло как продолжение его борьбы за свои научно-педагогические идеи. «Я не перестал быть педагогом», — часто говорил он. — Я лишь сменил вид оружия».

Макаренко — рыцарь коммунизма. Таким он останется навсегда в нашей памяти и таким он, смутно еще, но выходящая уже и тогда, пыл честию первых страниц его первой рукописи. Он умел видеть счастье и не боялся торжести. Он умел сделать счастливыми детей, которых воспитывал. То, в чем заколебало теориями из толстого Наркомпроса и Совпеса видели неразумную муштру, — было увлекательнейшей детской военной игрой, игрой, вышедшей в быт, ставшей действительнейшим средством воспитания. Так и виделся этот незабываемый макаренковский коллектив: ребята, здоровые, веселые, жаждущие жизни, смелые и хитрые, брызгающие жизненной силой, и среди них педагог — в самом высшем смысле этого слова, — тончайший психолог, буквально прокапавший коммунизмом смелостью ума, силой и чистотой своей души, порывавшийся вершиной в человека и ни перед чем не отступавший в благородной борьбе за этого человека.

И все эти люди — в своей трудовой жизни, в быту, в общественных функциях своего коллектива — играли, чуть улыбаясь над этой игрой и отдаваясь ей с увлечением. Этот мудрый воспитатель, которого враги его представляли бурбоном и самодуром, сумел воспитывать коллектив будущих тружеников, дисциплинированных членов общества, стойких бойцов, сохраняющих детству все живое, что ему свойственно, без чего оно перестает быть детством.

Макаренко придал огромный значение стилю коллектива. И этот стиль редчайшей, быстрой деятельности, подлинности, душевной чистоты и беспримесной иронии, выражавшейся человеком, опущался после первого же соприкосновения, хотя бы заочного, с умом его, с его душой.

Писемка Антоны Семеновича, которые я получал, работая над рукописью, вполне донесли образ этого человека.

Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: «Где здесь редакция современной литературы?», и ко мне обратился пожелавший человек в военной шинели, с обтерпанным суровым лицом и совершенно особенными, несомненно макаренковскими, чуть грустными, чуть заковыряными, чуть насмешливыми, затеяно улыбающимися глазами.

мне глазами. — Я, не задумываясь даже о неопределенности своего вопроса, спросил его: «Вы — товарищ Макаренко?» Он рассмеялся и подтвердил это, удивившись тому, что был так сразу узнав. Мне кажется, его всему бы узнали те, кто читал его книги.

Работать над рукописью с Антоном Семеновичем всегда было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превращали эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие — вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, первая озаглавил в его кабинете в Ленинском переулке текст «Флаг на башнях», мы обнаруживали, что там на каждом шагу герол улыбаются и хохочат. Антон Семенович, шутливо ступая на то, что вот, дескать, автор и редактор не дают молодежи повеселиться, рассказывал в разговоре, что в одной редакции его слово «пацаны» всюду переправил на «парни».

И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительно теплой улыбкой и сказал: «Ну, вот, теперь всех улыбающуюся пацанов повыкалывали, остались одни мальчишки... парни с Зауринского».

Так же шутливо он жаловался на то, что критики постоянно требуют от него каких-то коллективизма, а он, дескать, даже и не знает, что это слово значит. «Я же не писатель!» — восклицал он. — Пусть писатели выдумывают коллективизм».

За этим милым балагурством Антоны Семеновича, за его блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями и противоречивостями, за всей внешней игрой его блестящего ума открывались глубокие, всегда неизменные, всегда интереснейшие раздумья и мысли. Чрезвычайно интересные были его мысли о коллективизме, изложенные им позже в его лекциях; запомнилось, как он говорил о дисциплине: каждое понятие, представление всегда обновлял применительно к нашим условиям, условиям социализма. Движение нашей жизни делает установившиеся представления, навязанные старые термины новым, революционным содержанием. Антон Семенович охватывал во время очередной работы заговоркой о дисциплине в сказан, что старые понятия дисциплины устарели: дисциплина борла состоит не только в выполнении установленных норм; часто забывают, говорил он, о дисциплине движения вперед, о дисциплине преобразования преиспытаний. Вот необходимая черта нашей дисциплины.

«Я не писатель, не знаток этого дела», — заявлял он, смеясь над критиками, не понимавшими его произведений и пытавшимися умалить их значение, и тут же давал генеральный бой этим критикам, обнаруживая редкую зоркость в вопросах литературной теории, философии, искусства, писательского мастерства.

Несколько сходно с этим и его утверждение относительно своего педагогического

таланта. Начиная отрывая у себя вылитые таланта, он все объясняет мастерством, которого может достигнуть всякий и которого, замечает он, за долгие годы достиг и он. В этом есть и правда. Основная ценность научно-педагогической теории А. С. Макаренко в том, что она учит педагогическому мастерству, которого может достигнуть всякий и которое принесет блестящие результаты. Но в макаренковской практике были подлинно чудеса, были исключительные, из ряда вон выходящие случаи и положения, в решении которых обнаруживалась не только мастерство, но и необычайной силы талант его как педагога. Точно разработанный метод, глубокое философское обоснование этого метода и талант Антоны Семеновича сделали то, что он, преодолевая все трудности в своей работе, добивался подчас фантастических побед.

Блеск его педагогического таланта обнаруживался в любой мелочи. Однажды я позвонил на встречу с Антоном Семеновичем и очень торопился, так как знал, что дома никого нет и Антоны Семеновичу придется ждать, а занять его сможет только моя десятилетняя племянница. Еще подымаясь по лестнице, я услышал закатающийся детский хохот. Когда я вошел, то увидел, что племянница сидит на стуле, подложив под себя свою школьную тетрадь, приткнув ее к стулу руками и восклицая, захлебываясь потным смехом, глядит на Антоны Семеновича. А он самым серьезным тоном настойчиво просит ее дать ему написать в тетради, что он согласен с учительницей и диктант написан действительно хорошо. «Если учительница написала: хорошо, значит и я должен написать, я тоже думаю, что хорошо». Вслед за этим последовал разбор диктанта: текст странички, подобранный из вполне бесовских фраз, читался так, как если бы фразы составляли продолжение одного и того же рассказа. Итонациями устанавливались уморительные сцепления. Попутно с самым серьезным и требующим такого же участия видом задавались нелепые и абсолютно резонные вопросы. Девочка хохотала до изнеможения и после этого для только и говорила, что об Антоны Семеновиче. Можно представить себе, какие воспоминания о своей юности вынесла на всю жизнь воспитанница этого изумительного человека.

Все понимающий, все чувствующий человек, часто рассказывали они, он в ответственные, самые сложные моменты никогда не надевал на себя личины каменного спокойствия немудрого педагога. Он не боялся открыться перед своими воспитанниками и всю степень своего восхищения и всю степень своего негодования — всю свою человеческую душу, умиющую так остро чувствовать и горевшую так ясно. И величайшим вознаграждением было то, что уже взрослыми людьми при решении наиболее важных для себя вопросов воспитанники неизменно обращались за советом к Антоны Семеновичу.

Высокое служение идеалу коммунизма составляло каждый его шаг. Этим была проникнута каждая его мысль. За свои убеждения он боролся со страстью.

КАРТИНЫ НА ПУШКИНСКИЕ ТЕМЫ

Государственный музей А. С. Пушкина обогатился рядом малоизвестных картин и иллюстраций крупнейших русских мастеров. Среди этих поступлений — «Татьяна, запечатывающая письмо к Онегину» академика Ф. Моллера, автора прижизненного портрета Гоголя. Картина написана в 1846 г. и является, по существу, первым откликом русского изобразительного искусства на тему «Татьяна Ларина». Приобретенная эскиза Гр. Чернецова к знаменитой картине «Парад на Марсовом поле» был до сих пор совершенно неизвестен. От законченной картины он отличается тем, что включает в свою композицию изображение памятника Суворову работы скульптора Козловского. В 1890 г. на петербургской выставке появилась приобретенная впоследствии картина П. П. Соколова, одного из крупнейших русских акварелистов XIX века. — «Дуэль Пушкина с Дантесом». После выставки картина исчезла с поля зрения музеев и пушкиноведов. Сейчас она приобретена музеем А. С. Пушкина.

В. Суриков. Иллюстрация к «Метели» А. С. Пушкина

Большой интерес представляет писанная маслом картина А. И. Рыбачкина «Приход приставов в корчму на литовской границе» — на тему из «Бориса Годунова». Картина эта написана в период работы художника над «Потешными Петра I в кружале», хранящейся в Третьяковской галерее.

Среди приобретенных иллюстраций некоторые представляют большую художественную и историко-литературную ценность. Карацандина иллюстрация В. Васнецова является законченным эскизом к акварели художника для альбомного издания «Песни о киевском Олеге». Рисунок В. Сурикова пятацким карацандином

представляет собой иллюстрацию к «Метели», выполненную для трехтомного «Собрания сочинения А. С. Пушкина», изданного П. П. Канчаловским в юбилейные дни 1899 г. Рисунок Васнецова и Сурикова не экспонировались в свое время на монографических выставках обих мастеров. Это первые работы художника, приобретенные музеем А. С. Пушкина. Акварельная иллюстрация В. Васнецова к «Потале» изображает главных персонажей поэмы — Мазепу и Марию.

«Приезд Ларной в Москву» В. Серова, эскиз иллюстраций к «Евгению Онегину», — неудовольненным вариант к рисунку художника на ту же тему. Три акварели С. Мазютина к «Песни о киевском Олеге» относятся к лучшим климжым иллюстра-

циями этого мастера. Эскиз иллюстраций Е. Лансер «Нападение на свадебный поезд» (к «Дубровскому») был также выполнен П. П. Канчаловским.

Среди новых поступлений музея имеются также два эскиза А. Бенца к дубровским «Каменного гостя» и «Мондарт и Сальери» (в постановке МХАТ 1915 г.) и эскизы к декорации «Русская и Людмила», выполненной И. Билибинем для постановки 1913 г. в петербургском Народном доме.

Кроме картин, музей приобрел также около 300 гравированных и литографированных портретов русских и иностранных писателей и других лиц, связанных с именем Пушкина.

Ниже мы помещаем отрывок из III акта пьесы Александра Крона «Глубокая разведка», принятой к постановке МХАТ им. Горького. Действие пьесы происходит в Азербайджане. Герои пьесы — разведчики нефти. Содержание предыдущих актов таково:

На разведку приезжает главный инженер треста Майоров. Ему предстоит решить вопрос о ее дальнейших перспективах. Начальник разведки Андрей Гетманов ведет бурение аналитическими, антропоустойчивыми методами. В результате на буровой, поселив их «Сара», образуются искривленные скважины, грозятся аварией. Непосредственный виновник — инженер Мелис Ага Рустамбеков, боится ответственности, пытается скрыть допущенную ошибку. Молодой инженер Теймур и геолог Морис требуют временно прекратить работы на «Саре» и

Комната Мориса в одном из барнов. Просторная, она кажется тесной из-за огромных полок во всю высоту стен. Полки заставлены ящиками, стеклянными банками. На полу стоят ведра и мешки с породой, среди которых приоткрылась узкая железная кровать, продавленное кресло и фанерный ящик, служащий Морису рабочим столом. Морис сидит на стуле. Его душит жара. Он вытаскивает из мешка шляпу порохом, поднимает его и с отравленным выдохом густой дым. За стеной топот, смех, музыка. Пафос играет «Персидский базар» — излюбленный мотив бакинских ресторанов.

МОРИС. (Свирепо стучит в переборку). Послушайте! Прекратите базар! Да! Да! Третий час ночи. Что? Ах это «Персидский базар»? Так вот прекратите этот персидский базар. У меня от него будет припадок. Что? Почему вы не спите? Это потрясающе! Идите к посту! Что? Пожалуйста. Будно неудобно. Через десять минут я только выйду.

МЕХТИ. (Входит. В одной руке у него бутылка, в другой железный шампур с висящим на нем куском жареного мяса). Салам! Фу! Ну и начались же вы, Морис.

МОРИС. Не является — уходите. Это страшно. Ужасная мерзость. Рекомендую в такой случай, если вас хватит кондратьев. А как называется та дрянь, которую вы давали кушать Марго? Как вам не стыдно, зачем вы ее портило?

МЕХТИ. Хотел. Ко всем моим порохам я еще обмываюсь в развращенном молодечестве. Но много ли? За что вы меня так ненавидите, Морис?

МОРИС. Уберите подальше от бумаг эту вашу штуку. С нее каплет сало. Можно подумать, вы зашли в клетку к медведю. Что вам надо?

МЕХТИ. Не рычите. Я пришел с вами изрядно. (Снимает мясо с шампура и разливает вино в стакан). Морис, мы с вами не соразмерили. Напрасно мне навлечете. Я на дрова.

МОРИС. А я думаю — вас кормят сырым мясом. Вы жалуетесь на людей, как зверь. Какую честь, вы удивительный тип. Слушайте, Морис. Хотите — мир? Мы оба старые разведчики, старые холостяки с детьми. Что нам делить? Марго? Берите.

МОРИС. Вы болван. У вас в голове чорт знает какие помехи. Марго — мой друг.

МЕХТИ. Осторожнее, Морис. Выбравайте выражения.

МОРИС. Я не хочу выбирать выражений. Я у себя дома. Не трогайте банок — вы мне все перепутаете.

МЕХТИ. Мир не меняется. Изменная война профессий. Во все времена, на всех разведках мира инженер и геолог живут, как скorpion и фаланга, которых посадили в одну банку. (Завает.) Будьте человеком, Морис. В два часа можно перестать быть геологом.

МОРИС. Я всегда геолог.

МЕХТИ. И никогда не бываете человеком?

МОРИС. Я всегда человек. Именно профессия отлучает человека от жизни. Любая профессия — инженер, шахтер, каменщик, артист. Они изменяют мир. Человек вне профессии — только животное, после которого не остается ничего, кроме продуктов распада. (Сердито тыкает ногой в мешок с землей.) Вообще философия не ваша область. Мир не меняется! Это чудовищно! Если вы не умеете видеть нового, то не лезьте в разведку, а постыдитесь платным танцором в кафе. Хотя, кажется, у нас вы этого уже не найдете. Я видел их в Буэнос-Айресе. Вы — да! Вы не меняетесь. Вы живете только для себя.

МЕХТИ. Справедливо. Я живу для себя. А вы? Только, менелом, не надо митинговать, мы здесь одни.

МОРИС. Ну, знаете.. Не находку слов. МЕХТИ. И не найдете. Вы очень хитрый геолог. Вы ищете нефть. Вы ищете ее для себя. Вы никому не уступите места открытию. Все мы — от начала века разведки до последнего алмаза — для вас только орудия. Вы очень честолюбивый человек, Морис, и это заслуживает уважения. (Морис молчит. Мехти продолжает, фехтуя шампуром.) Я средний инженер, но человек и очень умный. Я мог бы сделать карьеру, шутя, не надрываясь, как вы. Клинусы, если бы захотел, десять лет тому назад я был бы главным инженером треста. У меня были связи, меня тянули. И вот я, рядовой специалист, двадцать два года борюсь по разведкам где меня жрут могилами. Взял чужой? Я даю это для себя. Я охотно уступаю другим опасные задания. Я веселый человек, который перенял свой выдохной день. Я люблю командировки в международных выездах и бражничать сезон на побережье. У меня никогда не будет своего дома, своей жены и детей, как у вас. Мне нравится ресторанный еда, декадентские простыни в отелях и декоративные девочки, которые всегда стоят дешево, ибо покой дороже денег. Клинусы, мы оба — прекрасные люди, но, понятно, нас нельзя оставлять без присмотра. И вот появляется третий человек. Человек-контроль. Если наши интересы наступят слишком явно, расхотят их выдвигать государству, он возьмет нас за шиворот. Он следит за нами. Он следит за нами. Он следит за нами. Он следит за нами. Он следит за нами.

МОРИС. Это печально. Неужели я чем-нибудь заслужил вашу откровенность, Мехти Ага? Над этим стоит задуматься. Да! Да! Я обязательно подумаю об этом, когда вы уйдете.

МЕХТИ. Я вижу, вы плохо понимаете шутки.

МОРИС. О, вы не шутите. Я слышал вас знаю, чтобы вам не поверить.

МЕХТИ. Психология. Не ваша область, дорогой Морис. Ваше дело — ископаемые.

МОРИС. Допустим. Для того, чтоб поспешить вас, достаточно геологу. У меня есть карта, по которой я читаю ваши мысли.

МЕХТИ. Хотел бы я видеть вашу магическую карту.

МОРИС. Хотите? Пожалуйста. (Широким жестом показывает на стену.) Вот!

МЕХТИ. Я ничего не вижу.

МОРИС. Естественно. Зато я вижу. Это моя поэтическая карта. Вон в тех банках, под самым потолком, собраны отложения современного Каспия. Ниже — древний Каспий. Вот глины Агаджанского аруса. Пока я не имею к вам претензий, Мехти Ага. Впрочем, вы не слезите за промывочной скважины и изнашиваете трубу. Я нахожу в пробах стружку металла. Вот вы встаете в лески продуктивной толщи. Выступают с мыслью вырвать разведку любыми средствами. Это видно по тому, как вы жмете на прибор, не считаясь с грунтом. Вы вылезаете дойти до проектной глубины прежде, чем кризисная приведет к катастрофе. Но сегодня я увеличиваю проектную глубину еще на двести метров, и карта мне говорит, что в данную минуту вы думаете о том, как выкрутиться на эту проекцию.

МЕХТИ. Ну, договаривайте. Кто же я, по-вашему? Диверсант? Вредитель?

МОРИС. Нет. Только плохой инженер. А плохому инженеру нужно быть особенно честным, чтоб не принести вреда.

МЕХТИ. Благодарю вас.

МОРИС. Пожалуйста. (Пауза.)

МЕХТИ. Что вы хотите, Морис?

МОРИС. Я хочу нефти.

МЕХТИ. Что вы хотите от меня?

МОРИС. Я хочу нефти. Я хочу, чтоб вы не притяли кризису на «Саре», а впроваляли ее. Я знаю, вы не умеете. Не мешайте другим.

МЕХТИ. Риньяне говорили: впадаю, впадаю. Впрочем, теперь все это не имеет никакого значения. Исх равен нулю.

неприятно кризису. Мехти, понял, что катастрофа надвигается, убеждает Гетманова составить докладную записку о том, что дальнейшие поиски нефти в этом районе вообще безнадёжны. Гетманов колеблется, но Мехти убеждает его, что трест разлетел эту точку зрения. Гетманов и Мехти подписывают докладную записку. Мехти нужно получить подпись Мориса. Гетманов выражает сомнение, что ситуация разделки Морис может подменить подобный документ. Мехти берет переговоры с Морисом и вытаскивает его за угол, ссылается на Гетманова, который не одобряет, но Мехти в своих целях использует его имя. Морис — старый геолог, выкопанный в спеле, честный и творческий человек, но лгачерный и экспансивный. Мехти — индик и приспосабливается, считающий себя аполитичным, но по существу глубоко враждебный советскому строю.

МОРИС. Что вы гордите? Какой иск? МЕХТИ. (Вынул докладную записку.) Иском в математике обозначается искомым величина. В данном случае она равна нулю, ибо нефти нет. Вы это знаете так же, как я. Мы можем сколько угодно обманывать друг друга. Но обманывать государство опасно, а природу — бессмысленно. Надо покориться, Морис. Мой искренний совет.

МОРИС. Это чудовищно! Вы смеете утверждать...

МЕХТИ. Тссс! Менелом, не надо шуметь. Бурение идет своим порядком еще три-четыре дня. На указанной вами проектной глубине мы отработаем скважину. Если мы получим нефть, я первый с радостью покаясь в своем неверии.

МОРИС. Проектная глубина будет увеличена.

МЕХТИ. Это исключено. Прочтите.

МОРИС. (Выхватил записку, читает.) Это неверно! Это потрясающе! Чорт знает, какое варварство! Чья это работа? Ваша?

МЕХТИ. Вопрос чисто академический. Все уже согласовано.

МОРИС. С кем? С Майоровым?

МЕХТИ. Не знаю. Майоров был. Да. Я не умею читать в мыслях. Я знаю одно, Майоров — близкий друг Андрея Михайловича. Андрей Михайлович подписал. Для меня достаточно.

МОРИС. Я этого не подпишу.

МЕХТИ. Подпишите. Не бойтесь, к вам не будут придираются. В вашем деле ошибки неизбежны. Андрей Михайлович общал вас кренко поддерживать. Но если вы начнете борьбу, он вас уничтожит. Вызвесьте свои силы.

МОРИС. Вы врете. Он этого не говорит.

МЕХТИ. Я не собираюсь вас убеждать.

МОРИС. Я сам поговорю с ним. И уверен, что он скажет, что вы лжете.

МЕХТИ. Несомненно.

МОРИС. Вот видите!

МЕХТИ. Может быть, вы хотите, чтоб он повторил свои слова на общем собрании? Или опубликовал в стенгазете? Редкая личность в столь зрелом возрасте.

МОРИС. А вы будете молчать?

МЕХТИ. Я скажу, что вы меня не понимаете. Только и всего.

МОРИС. Но это нечестно!

МЕХТИ. А разве честно выдать человека, который оказывает вам услугу? Я не собираюсь сориться с хозяином.

МОРИС. Это как-то заика! Я не хочу участвовать в вашей темной игре, слышите? Я плюю на его угрозы, понимаю вас! Если он смеет ставить мне такие условия, я знаю его не хочу! Он для меня не начальник, не коммунист, не разведчик — никто! Видите ли, он

меня уничтожит, этот гаистер! Это чудовищно! Я перестану себя уважать, если не дам ему по морде!

МЕХТИ. Как вы любите громкие фразы. Вам надо остыть, Морис. Вы немые.

МОРИС. Нет! Нет! Ложь! Мне надоело быть помешанным! Мне пятьдесят лет, и не бросаю слов на ветер. Пусть же меня! И не сумасшедший, чорт вас возьми! Пусть же меня, я же вас ударю! (Выбегает из комнаты. Мехти делает движение выслед, затем останавливается, не горюясь возвращается к столу, берет свой шампур. Возвращает им в воздухе, делает фехтовальный выпад и уходит очень довольным.)

МАНОРОВ. (Он постучал в дверь, не получив ответа, заглянул в комнату.) Все в порядке, и договорился. Они за нам заедут. (Входит, не осмотревшись, пожал плечами.) Теперь это куда-то сбежал. (Понизил бутылку.) Кхм! Что же это, для анализа? (За переборкой движение, повывшенные голоса.) Какого чорта они так галдят?

Шум утихнул. Теперь нет сомнения — это скандал. Звонящую улашшая тарелка, взыгнувший женский голос, загрохотали доски под ногами бегущих людей. Затем все стихло. Майоров двинулся к выходу и столкнулся в дверях с возмущенной, тяжело дышавшей Мариной.

МАРИНА. Мехти! Ну что же вы?.. (Увидела Майорова и схватила его за руку.) Сама? Почему ты здесь? Пойдем сейчас же... Ох, как это все омерзительно...

МАНОРОВ. Что случилось?

МАРИНА. Ничего. Сейчас скажу. Пустяк, я хочу есть.

МАНОРОВ. Доволь же до кресла и усадил? Что случилось, Марина?

МАРИНА. Не знаю. Утром меня чем-то шибло. Мне вдруг стало холодно. Ты видел Мориса?

МАНОРОВ. Погнался тому куда. А что?

МАРИНА. Ничего не понимаю. Мы один из Мехти и невозможно кутить. Ты же думай, совсем чужок, у нас это очень редко. Потом пришел Андрей. Мехти пошел звать Мориса. И пропал. Вдруг берет Морис и набрасывается на Андрея с кулаками. Если б Семен Семенович его не удержал, не знаю, наверно произошло бы что-то непоправимое. Мы все знаем Мориса, но так-то я его никогда не видела. У него было такое бешеное лицо, он ругал Андрея такими ужасными словами, что мне вдруг стало страшно. Ты слышал, как я закричала?

МАНОРОВ. Морис там?

МАРИНА. Нет, он вырвался и выскокнул на улицу. Мужчины победили за ним. Морис способен разбудить весь поселок.

МАНОРОВ. Морис там?

МАРИНА. Нет, он вырвался и выскокнул на улицу. Мужчины победили за ним. Морис способен разбудить весь поселок.

«В ТЕ ВРЕМЕНА»

Под таким названием вышел в четвертом издании сборник небольших рассказов для молодежи. Автор книги Э. Бирзнекс-Упитис — серьезный и вдумчивый художник. Он раскрывает перед молодыми читателями мрачные страницы тяжелого прошлого латышского крестьянства. Рисует людей и события так, как они представляются глазами его юных героев, писатель достигает большой убедительности и объективности изложения.

В первых трех рассказах показаны вековые страдания латышского крестьянства, изнывавшего под бременем крепостничества, барщины, но уверенного в завтрашнем дне. Всесильный и капризный помещик-барон неумолимо диктует крестьянам свои собственные законы, полновластно распоряжается их землей и трудами.

Пробужденное трудовое крестьянство, борьба с угнетателями и описание жестокой расправы карательных

Э. Бирзнекс-Упитис. Vinos Laikos. Varp. Riga. 1941.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «КАЛЕВАЛЫ»

Руны «Калевалы» — величайшее произведение народного творчества — была занесена известным финским ученым Карело-Финской ССР закончила работу по изданию великого эпоса карело-финского народа на русском языке.

Как известно, перевод «Калевалы» на русский язык был впервые сделан профессором московского университета, известным русским фольклористом Л. П. Бельским в 1889 г. Получивший в свое время прекрасную оценку, этот перевод все же имел существенные недостатки, на которые указывал сам Л. П. Бельский. Исправить самому эти недочеты Бельскому не удалось. В первое советское издание «Калевалы», вышедшее в 1935 г. в «Академии» под редакцией проф. Буркина, эти исправления также внесены не были.

Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской республики, работая над новым, вторым, советским изданием «Калевалы», сел в раздумьи перед труднейшей задачей — учесть исправления, сделанные проф. Бельским в примечаниях к изданию 1915 г. Бережно и любовно донесена до советского читателя вся чарующая прелесть великого народного эпоса.

Новому изданию «Калевалы» предшествует большая вступительная статья профессора Е. Г. Кагарова, детально знакомящего советского читателя с историей «Калевалы».

Книга отлично издана и с большим вкусом оформлена художником Порет. С. НОРИН.

«СТИХИ И ПОЭМЫ» А. КАРАСЕВА

Стихи Карасева поражают скудостью мысли и полной художественной беспомощностью. Он вспоминает гражданскую войну и живописует ее следующими словами:

О, время! То время Полны горчей, Республику грызла Гурьба палачей.

Он пишет о счастливой жизни советских детей и заставляет их выражать свои чувства в таких безграмотных стихах:

Сюда лежит дорога, Светла дорога к нам, И воспронено строго Хождение черным дном.

Пытается Карасев писать и специально для детей. В стихотворении «Капризный нос» он на протяжении сорока с лишним строк доказывает юным читателям несложную мысль о том, что во избежание простуды не надо слишком кутаться. Для большей «убедительности» Карасев говорит здесь от лица некоего школьника, который схватил насморк, а потом благополучно от него избавился. Школьник этот, если верить автору, выражается так:

А Вар-Якольна спит. Очень тихо говорит. Вар-Якольна — это имя учительницы, искаженное в угоду неподобающему стихотворному размеру. Можно себе

Алексей Карасев. Стихи и поэмы. Мордовское государственное изд-во. Саранск. 1940 г.

представить, какое воздействие окажут подобные «стихи» на неустановившуюся лексику ребенка. Для детей предназначена и единственная поэма сборника «Гость», где описывается посещение советских школьников сказочным дедом Морозом. Вся поэма — это длинная цепь риторических рассуждений, крайне многословных и утомительных. Ни малейшей попытки поэтически осмыслить тему не чувствуется в строках Карасева:

Из дворца навстречу вышел Группы растонных ребят. — Здесь купцы, бакиры, лизии, — Все ребята говорят.

Подобной словесной трескотней наполнена вся поэма.

Некоторые строки поэмы попросту безграмотны. Дед-Мороз по Карасеву «не понял толком на руках чего несут», школьники, упорно враждою со стихотворным размером, не идут, а идут и т. д.

Много безграмотности и в других стихах книги. На стр. 18 у Карасева почтаком «смеется обратном», в стихотворении «Садонник» — «небо белых айбон прикасаюсь».

Нужно ли говорить после этого о «стихотворной технике» Карасева? Достаточно сказать, что он рифмует: «свою» и «врагу», «вечность» и «кресность», «бить» и «взлетит» и т. д.

Перед нами ярчайший образец книжного брака. Чем руководствовалось Мордовское государственное издательство и его редактор Резаев, выпустив этот брак, остается загадкой.

В. АФАНАСЬЕВ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОСКВЫ

Дом Герцена (Москва, Тверской бульвар, 25). Здесь 6 апреля 1812 г. родился и провел свое детство А. И. Герцен. Зарисовка о натуре художника А. Н. Рудович

М. ГРИНБЕРГ

ТРАКТ В БУДУЩЕЕ

В центре Сталинабада (вернее, в будущем его центре, ибо город бурно растет, по-новому планирует и расширяется) высятся большие здания в лесах. Это — новый театр оперы и балета. Уже возведены стены, дом покрыт крышей, голые обшиваются побеленными помещением, уже идут репетиции. Вокруг слышны голоса, хлопки работы. Строительство театра скоро будет завершено. Скорее всего перемены обдуманных лесов легко увидит зрячий день здания, каким оно будет в готовом виде.

В какой-то мере нынешняя стройка Сталинабадского театра может служить символом всего строящегося культуры сегодняшнего Таджикистана. За годы советской власти заложены глубокий фундамент новой культуры, возведены стены. Но стройка еще в самом разгаре. Многие уже сделали, но многие еще сделать предстоит. И в тех спектаклях, которые привели ныне таджикские театры в Москву, в спектаклях, быть может, есть все в чем не совершенных, мы ощущаем не только чудесный сегодняшний день таджикского искусства, но и его замечательное будущее. Спектакли эти — лишь начало, лишь первые перемены трудного и большого пути к высотам искусства, культуры.

Когда в 1937 г. таджикский музыкальный театр «отпочковался» от театра музыкально-драматического, он не имел настоящего таджикского музыкального репертуара, да его и вообще не существовало. Театр начал свою работу с постановок таджикского фольклора «Аршин мал алан», а затем «Польсары» Гляра. Спектакли эти были мало удачны. И лишь в 1939 г. театр начал создавать свои новые таджикские музыкальные произведения и спектакли. «Юз» («Тольяны») — и в этом его историческая роль — был первым национальным музыкальным спектаклем, первой пробой сил молодого театра в таджикском репертуаре. Остатки в таджикском репертуаре. Остатки в таджикском репертуаре. Остатки в таджикском репертуаре.

Если «Юз» был отрывком жизни сегодняшнего, современного, социалистического Таджикистана, то темой «Шуриши Вое» послужил один из самых волнующих драматических эпизодов революционной истории таджикского народа. Память о народном герое, благородном и славном декахане Вое, предводителе

восстания против наймитов эмира бухарского, жива в сердцах таджиков. Восстание Вое происходило в 80-х годах прошлого столетия, и до сих пор в Таджикистане есть его живые свидетели. Когда авторы «Шуриши Вое» — либреттисты Дехоти и Турсул-Заде и композитор Баласаляган начали искать свою оперу, они пользовались не только историческими материалами об этом восстании, и создали такие постановочными стариков, рассказы очевидцев, преданиями, которые бытуют не в одном Ховалинге, непосредственном районе восстания, но во всей стране. Недавно умер глубокий старик, знавший лично Вое, его смел, помнящий многие подробности слабой борьбы.

Восстание Вое потеряло жестокие поражения. Сам Вое погиб; но это героический бой против ненавистных дьяков, амилкоров, хакимов, сарбов оставив незабываемый и глубокий след в сознании народа. И не удивительно, что спектакль «Шуриши Вое» стал одним из наиболее любимых в Таджикистане. Так свежи воспоминания, так живо еще ненавистные угнетатели, кулаки и помещики, русские колонизаторы и «своя» местные богатые, измывавшие над народом, убивавшие его верных сынов, задевавшие над его культуру, разоряли его достояние! «Шуриши Вое» — живая страница истории. Для таджикского зрителя этот спектакль полон огромного содержания и глубокой значительности.

Композитор Баласаляган — чудный, таджикский музыкант, заслуги которого перед таджикским искусством очень велики. Наше скудное и юное в тем выразительные краски для своей оперы. «Шуриши Вое» он трактовал, как монументальную народную трагедию. Много и плодотворно работавший над изучением таджикского песенного фольклора, Баласаляган использовал в своей опере ряд народных мелодий, соединив их с самым музыкальными темами выдержанными в характере народного таджикского мелоса. Гармонический план партитур «Шуриши Вое» также отражает ладовую структуру таджикского фольклора.

Самое лучшее в музыке «Вое» — это народные песни, народные хоры. Нельзя без волнения слушать хор прощания ва-

рыкантов-мелодистов, которые знают огромное количество народных мелодий и которые сами, на основе народного мелоса, создают новые таджикские мелодии.

Таджикистан славится своими танцами. В южных районах страны преобладают танцы мужские; женские танцы полны элегантною формой танца после революции. В северных районах Таджикистана, наоборот, более всего известны женские танцы. Таджики обладают богатейшей народной хореографической культурой. Нельзя перечислить и описать все многообразие народных плясок, их богатейшие ритмы и движения. И неудивительно, что, наряду с оперными произведениями, таджикский музыкальный театр, недавно переименованный в Театр оперы и балета, привез сейчас в Москву свой первый балетный спектакль — «Ду гуль» («Две розы»). Народные танцы и игры в большом количестве использованы в этом спектакле.

По сравнению с Театром оперы и балета, таджикский драматический театр — театр «старый», он существует уже двенадцать лет. Он привез в Москву три спектакля: «Отелло» Шекспира представляет собой интерес, как первый, шекопировский спектакль на таджикском языке. Молодой Касимов, исполняющий роль Отелло, несомненно актер выдающегося дарования. Он играет также главную роль в спектакле «Краснополочники». Сама по себе пьеса «Краснополочники» Улут-Заде по материалу довольно схематична, но театр создал на этом материале спектакль волнующий и яркий. Спектакль радует прекрасным актерским ансамблем; к тому же он превосходно оформлен молодым художником Куленовым. Суворый ландшафт страны, ее горы и ущелья, красота ее пейзажей переданы художником очень просто, но чрезвычайно выразительно красками. Третий спектакль драматического театра — «Рустам и Зархоб» посвящен сказочному народному

Таджики — народ необычайно музыкально одаренный. Это сказывается не только в поразительном богатстве и многообразии народных песен и танцев, но и в том, например, как быстро, за чрезвычайно короткий срок Театр оперы и балета удалось в своих стенах воспитать

«ОКТЯБРЬ»

Большой интерес представляют начатые по второй книге журнала «Октябрь» переводы повести А. М. Горького. Читатель сможет познакомиться с двумя вышедшими и одной в печати повестью Алексея Максимовича.

Степняки «Степан Разин» («Народный бунт в Московском государстве 1666—1668 годов») вышедшая в конце 1921 г., хотя мысль о проведении на тему, связанную со Степаном Разиным, возникла у Горького еще в 1909—1910 гг.

В сценарии «Ход коня» Горький взял авторство детективной теме, показал судьбу человека, попадающего в среду профессиональных воров, преступников. «Ход коня» написан примерно в 1926—1927 гг.

Незаконченная повесть «Яков Богомолов» (так она условно названа редакцией по имени главного действующего лица) содержит три полных действия и часть четвертого. В «Якове Богомолове» Горький показывает путь творческого, созидательного труда в жизни человека. Повесть эта создавалась во время напряженной работы над «Жизнью Клима Самгина». Образ инженера-гидролога Богомолова (и о нем и слабостях которого видел Горький) резко противопоставлен и в идейном и в психологическом плане образу Клима Самгина.

Кроме того, в номере напечатаны рассказы М. Пришвина «Делушкин валенок», начало романа индийского писателя Мунлы Реджа Амал «Кунга» (перевод с английского В. Станевич), стихи А. Яшина, Н. Грибачева, М. Гроссмана, перевод из Джайбула И. Сельвинского и др.

Почти половина номера отведена публицистике, критике и библиографии. Здесь даны очерки С. Перова «Генерал Смугляев», М. Фетова «Пути-дорожки», статьи Ореста Цеховичера о Достоевском, Л. Тимофеева о современной прозе, З. Кедровой о новгородных стихах и рецензия на семь вышедших книг.

«КРАСНАЯ НОВЬ»

На днях выйдут из печати мартовская книга «Красная новь». В ней большой поэтический отдел. Здесь печатаются стихи Сулеймана Стальского, впервые переведенные на русский язык, перевод стихотворения «Мой Карабах» армянского поэта Ашот Грани, переводы литовских дайн, цикл стихов молодой поэтессы Татьяны Волгиной и впервые появившиеся в советской печати стихи Игоря Северянина — «Привет Союзу» и «Стихи о реках».

В отделе прозы, кроме окончания исторического романа Сергея Боролина «Дмитрий Донской», печатаются повесть Бориса Ямпольского «Армарка» и рассказы В. Овечкина «Слепой мальчишка».

Крупнейшие статьи критического отдела — «Поэзия и действительность» В. Ермилова и продолжение статьи В. Кириллова о «Тихом Доне» М. Шолохова.

«СИБИРСКИЕ ОГНИ»

НОВОСИБИРСКИЙ (Наш корр.). Вышла в свет первая книга журнала «Сибирские огни», вступившего в двадцатый год своего существования. В ней напечатаны: повесть С. Ламакина «В добрый час» — о молодых бойцах, пришедших в Красную Армию из колхоза; рассказы Н. Кудрявцева «После фронта» и К. Урманова «Находка», очерки А. Смерлова о Горной Шории. Поэт И. Мухачев опубликовал две главы из второй части поэмы «Мои друзья». В отделе фольклора — сибирские сказки и легенды о В. И. Ленине, вышедшие А. Мисюровым, А. Ершовым и Л. Кондратьевым в Новосибирске и городах Кузбасса.

В следующем номере «Сибирских огней» печатаются главы из второй части романа К. Седых «Дурная», посвященные установлению советской власти в Забайкалье и началу борьбы с атаманом Семеновым, несколько рассказов, очерки. В отделе фольклора интересна записанная В. Левченко легенда о Ермаке, С. Кожовников выстывает со статьей «Сибирские мотивы в поэзии». В связи с 80-летием со дня рождения сказителя-орденоносца Николая Улагашева печатается статья А. Конгаева «Ойротский героический эпос».

Вечер памяти А. С. Макаренко

В концертном зале им. Чайковского 4 апреля состоялось собрание, посвященное второй годовщине со дня смерти писателя-педагога А. С. Макаренко.

Идеальный и творческий облик Макаренко — народный, открывавший вечер. В Финк. Значению педагогической системы А. С. Макаренко посвятил большой доклад доцент Ленинградского университета Н. Янина. — Педагогика Макаренко, — сказал он, — это педагогика социализма, суть ее — борьба за коммунизм, при-

И. З. СУРИКОВ

К 100-летию со дня рождения

«Из среды народа выходили Ломоносовы, Кольцовы, Некитины, Суриковы».

М. Горький.

Глубоко-трагична была жизнь этого выдающегося человека, погибшего в расцвете творческих сил, не имея и сорока лет от роду.

Мальчиком он был взят в Москву из деревеньки Новоселово (Ярославской губернии). Отцу Ивана Захаровича, открывшему лавку в районе Ямских слобод, нужен был помощник, «свой», надежный человек.

В Москве Суриков познакомился с Добротворским, страстным любителем поэзии и посредственным стихотворцем. Добротворский сыграл большую роль в жизни творческий сынал его сборники стихов Пушкина, Шевченко, Некрасова, Никитина; он был первым критиком стихотворных опытов Сурикова.

Однажды Добротворский показал стихи Сурикова редактору журнала «Развлекатель» — Соколову — тот одобрил стихи и напечатал их в своем журнале.

С этого момента начинается реальная повесть жизни поэта-самоучки. Отныне он относился к занятиям сына в области поэзии. К тому же материальное положение отца пошатнулось. Надо было всеми силами «наедасть» на заработок.

«Сто шестьдесят копеек угла переносит сегодня», — сообщает Суриков в одном из своих писем «Каждый день идет переписка из кушей в другие куши».

Нужна была чистая и глубокая прива-

«ВИСНУРК»

В являющемся вышедшем третьем (мартовском) номере восточного литературно-художественного журнала «Виснурук» большое место отведено литературе и искусству Советской Армении. В этом разделе публикуются переводы стихов А. Исаакяна, опыток из «Давида Сасунского», образцы армянской народной поэзии, новеллы Туманяна «Шкор», статьи и очерки о литературе Армянской ССР и другие материалы.

1 марта 1941 года исполнился первый годовщина со дня смерти крупнейшего восточного писателя, автора монументального романа «Истина и право» А. Г. Таммсааре. В статье на тему: «Атеизм в творчестве Таммсааре» М. Тамаря подробно разбирает отношение покойного писателя к религии.

Намногом позже, 140-летию со дня рождения одной из наиболее интересных фигур восточной литературы XIX века поэта и ученого К. Я. Петерсона посвящена статья литературоведа Г. Шарратта.

Кроме того, в этом номере «Виснурук» опубликованы стихи молодой поэтессы М. Радосепп, рецензия А. Хитта на «Книгу для родителей» Макаренко, воспоминания И. Саата о том, как издана была подпольная восточная коммунистическая газета «Красный пятиугольник», эпиграммы и др.

«ЗНАМЯ»

Большее трети выходящего на днях очередного номера журнала «Знамя» занимает первая книга романа И. Эрзенбурга «Падение Парижа». В ней описывается предвоенная Франция.

Из беллетристических произведений печатаются также три рассказа В. Курочкина о советско-финской войне.

В журнале публикуются забытые стихи В. Маяковского: «Христианин» (помни о 17 апреля), «Рабский корреспондент» и «Волонтеры». Последнее стихотворение, написанное в связи с передачей военному ведомству самолетов построенного на средства трудящихся Москвы, начинается словами:

Откинь пропеллеры твои,
Растрепи и в проу
и в песенный лад!
В эти дни,
не на словах,
а на деле,
пролетарий стаи крылат.

Эти три стихотворения ни разу не перепечатывались после своего первоначального опубликования — в 1923 г.

Современная поэзия представлена в журнале стихами К. Мурзица «Бойцы в тайге».

Интересные материалы содержатся в эпизодах войны 1908—09 гг. в Финляндии, описанных В. Кац и Н. Поповым.

Среди публицистических произведений — очерк М. Галактионовой «На театрах второй мировой империалистической войны» и большой очерк Л. Никулина «Гибель маховых двигателей».

Патристический со дня смерти Д. Фурманова посвященный воспоминания А. Якунина «Д. А. Фурманов в Семиречье».

В книге даны также отделе «Наша трибуна», «Литературная критика и библиография».

«ЛЕНИНГРАДСКИЙ АЛЬМАНАХ»

На днях выйдет из печати «Советский писатель» выпускает первую книгу «Ленинградского альманаха». Она открывается рассказом Мих. Зощенко «Око за око». В книге напечатаны повести И. Браункина «Даша Светлова» и К. Ванни «Хутор»; рассказы Л. Канторовича «Сын старика» и «Два дня», Геннадия Гора «Ола» и «В деревне», И. Кратта «Волчат», П. Лукницкого «Переправа», А. Кучерова «Рассказы о детстве», очерк И. Соколова-Микитова «В горах Тянь-Шаня» и стихи А. Прокофьева, С. Спасского, Б. Лихарева, Н. Брауна, И. Абраменко, М. Комиссаровой и Вс. Рождественского.

Альманах выходит под редакцией писателей П. Канина, И. Кратта, Л. Рахманова, Вс. Рождественского, А. Семенова и М. Слонимского.

Вечер памяти А. С. Макаренко

Вит детям волю, мужество, целеустремленность — таковы заветы, которые ре- зультат своей практической работе Макаренко, считавший главным средством воспитания людей — труд.

Обстоятельный обзор литературного творчества Макаренко сделал на вечере В. Ермилов. — Эпиграфом ко всей деятельности Макаренко, — сказал он, — могут послужить слова Маяковского: «Я себя советским чувством заводлю, вырабатывающим сталь».

Вечер закончился большим концертом.

Занятия в искусству, чтобы творить в таких условиях. Большой, вагетризм непостоянной работой, поэт неутомимо слал свои задушевные стихи и песни. Суриков печатается в «Деле», «Вестнике Европы», «Отечественных записках», в ряде других изданий. Его избран членом Общества российских словословности.

Иван Захарович первым начал «думу думать» о народной литературе. Он собрал ряд писателей-самоучек, переписывавших с ними, ободрил их. Не жалел сил и средств, он издал сборник начинающих писателей «Расцвет». Суриков потерял материальный уют, но это его не останавливало. Он готовил второй сборник продолжая переписывать с авторами.

Между тем здоровье Сурикова с каждым днем ухудшалось. Другая поэта (среди них был Плещеев) отравлял Сурикова в степь на кумысолечение, а затем — в Крым. Но дни поэта были сочтены, в апреле 1880 г. его не стало.

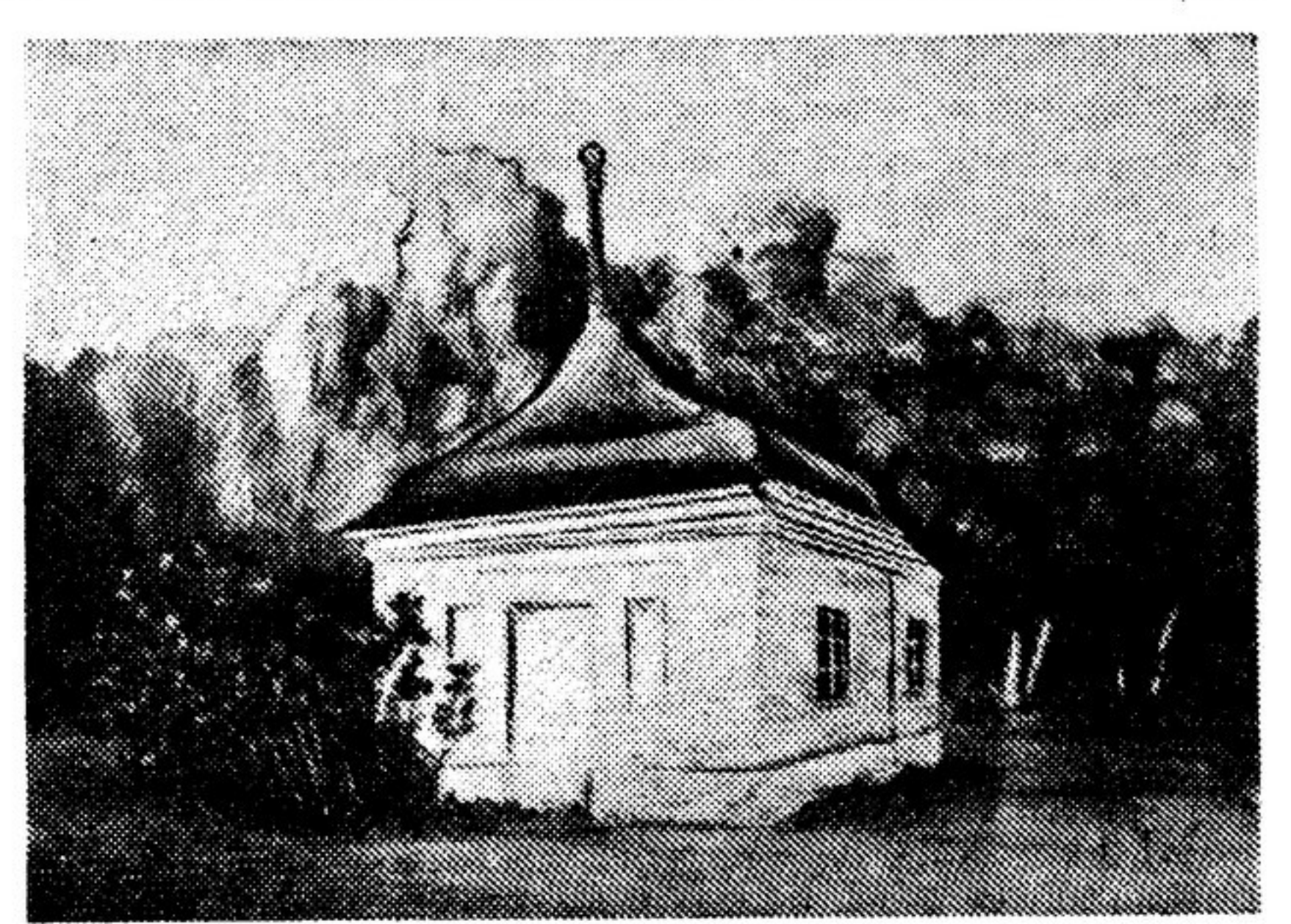
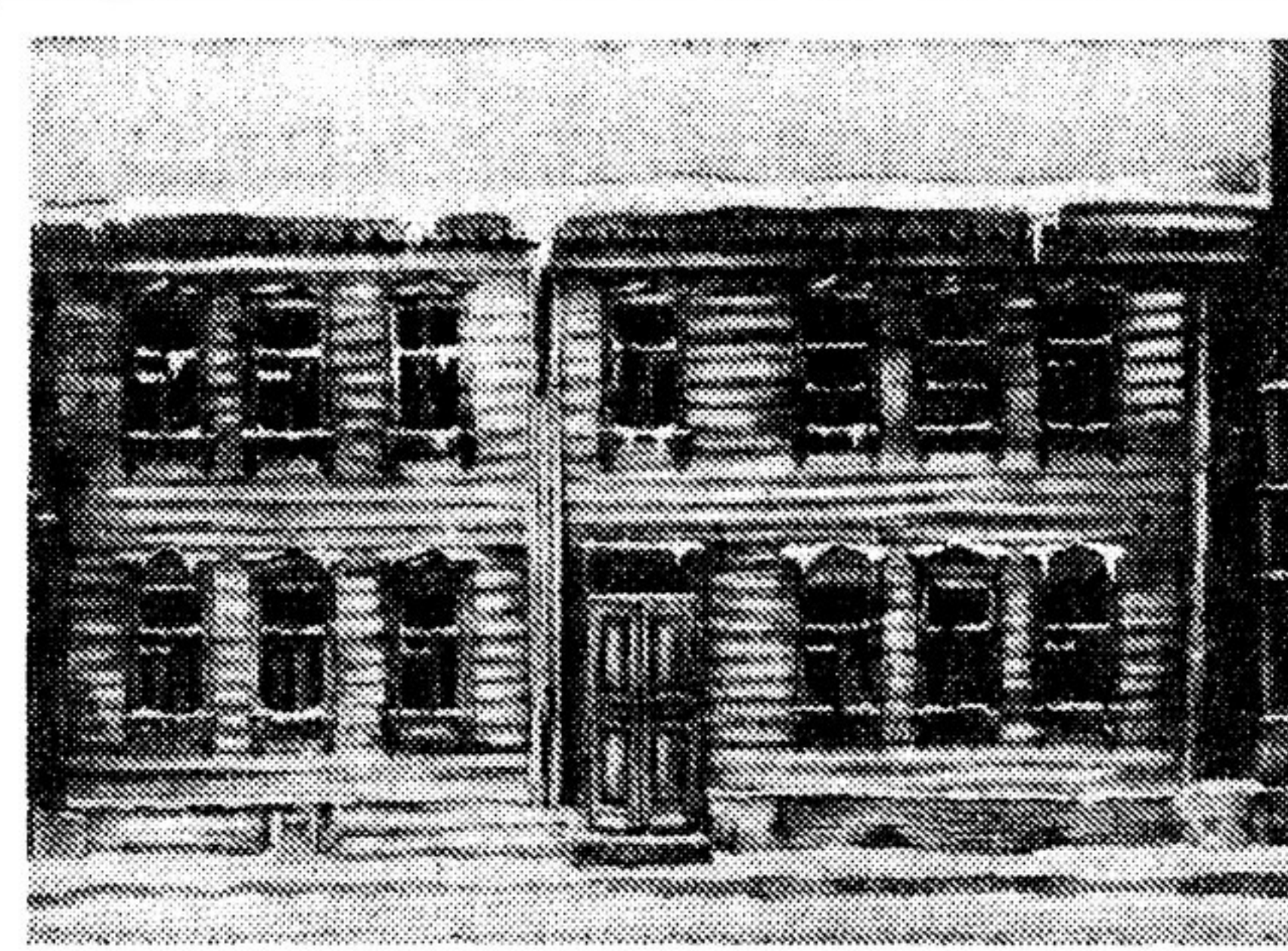
Литературное наследие Сурикова составляет обширный том. Сюда входят песни, лирика, былины, исторические поэмы, переводы и прекрасные, светящиеся юмором и грустью, суриковские письма.

Любители литературных схем наклеивали на Сурикова готовые ярлыки, они сравнивали его то с Кольцовым, то с Некитиным, то с Нащоком. Но эти оценки не открывают творческого своеобразия Сурикова.

Сам Иван Захарович в одном из своих писем с видимым огорчением писал: «Меня не мало удивляют некоторые рецензии, они непременно хотят видеть во мне Кольцова. Хотя мы и самоучки, но мы и разные, при разных условиях пришлось нам жить... Да и не думаю никогда быть Кольцовым и тянуться за ним, я хотел быть просто Суриковым, хоть льком ешитым, но быть самим собой».

Суриков выступил как певец ободоленного и закабаленного народа, его поэзия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

В клубе писателей открыта интересная выставка акварелей и рисунков художника Б. С. Земенкова, посвященная литературе в Москве и литературному Петербургу.

Надо отдать должное Б. Земенкову-исследователю. С большим умением историографом относится он к отдельным архитектурным пейзажам, которые связаны либо с определенными датами жизни писателя, либо непосредственно с художественными произведениями.

Большинство работ выставки (всего экспонировано 80 произведений) посвящено показу трех облюбованных Москвы — эпох Пушкина, Чехова и молодого Маяковского. Кроме этих циклов, на выставке представлены несколько острейших сатирических иллюстраций к произведениям Салтыкова-Щедрина и Маяковского, выполненных на хорошем профессиональном уровне. Такими, например, работы «Дом, где помещалась в 1908 году подпольная типография городского комитета РСДРП (большевик)» и где был в первый раз арестован Маяковский» и «Здание бывшей Васманной по-

лицейской части, куда был заключен В. В. Маяковский после своего третьего ареста в 1909 году».

Нельзя не отметить и отдельные акварели Б. Земенкова, связанные с чеховскими местами: «Вид из Баблина на Истру», «Полешчина. Сторожка церкви». «Эта церковь, с ее домиком для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала Антону Павловичу мысль написать «Ведьму» и «Недоброе дело» (М. Чехов. Предисловие к I тому «Писем» А. П. Чехова).

Лаконичные изобразительные средства, эстетичность ненужного для этих акварелей сфажа — положительные качества работ Б. Земенкова. Но хочется, чтобы в дальнейшем он больше внимания уделял той прозрачности тона, которая прежде всего типична для акварельной живописи.

Н. СОБОЛЕВСКИЙ.

На снимке: слева — дом, где в 1908 г. помещалась типография горкома РСДРП (большевик). Здесь был арестован В. Маяковский. Справа — чеховское место: Полешчина, сторожка церкви.

Редактор в издательстве

Двадцать книг современной русской прозы и поэзии большими тиражами выйдут из печати в первые три месяца 1941 года. Обсуждению этих книг было посвящено два дня открытого партийного собрания Госиздата.

С докладом выступил т. И. Мартынов. Большую часть своего доклада он естественно, посвятив работе редакторов, культуре их труда, характеру и методам работы с автором.

К сожалению, в первый день собрания почти никто из выступивших в прениях не говорил по существу поднятых в докладе вопросов.

И только на второй день собрание по-настоящему охватило задачи редакторов. И тогда многое стало ясно.

Вчера, — заявил П. Чагин, выступив в прениях, — говорили, что у нас брака нет, сегодня при внимательном рассмотрении отдельных книг нам ясно, что не все в издательстве благополучно, особенно в отношении редакторской работы.

Это общее положение достаточно убедительно проиллюстрировал докладчик т. Мартынов и выступившие в прениях т. Л. Юденич, М. Маркушевич, С. Кавтарадзе, В. Виноградов, да и сам руководитель издательства т. Чагин.

— В нашу работу, — говорит т. Мартынов, — привнесено много принципиально нового. Теперь мы говорим о таких частностях редакторской работы, которыми никогда раньше не занимались. У нас в издательстве нет такого брака, какой был еще в прошлом году, но многое еще надо сделать, и в первую очередь должны быть изменены формы редакторской работы, поднята культура труда редактора.

Свою мысль т. Мартынов подкрепляет следующим примером.

Издательство выпустило хорошую книгу молодого писателя Полевое «Горячий цех» с автором. Но не до конца. Многие в книге, хорошо восторженно читателем, сделано кое-что не убедительно. Не все да опрысканы постылки героев, их побуждения. Боюсь, что иначе читатель не поймет автора. В Полевом изложении морализует в концевых отдельных главах, а редактор всего этого не почувствовал, как не заметил неточности языка, шероховатости стилей.

— А вот, — продолжает оратор, — книга о современной деревне. Чем мог бы помочь редактор автору книги «На поле Кулаковом» Кудрявцеву?

выбрала в себя слезы и стоны ирриженной бедности.

Вот его знаменитая песня «Доля бедняка». Как и все это мелодия, она льется просто и непринужденно из глубины взволнованного сердца:

Не твою ли это хату
Ветер пошатнул,
С крышки ветхую солому
Разметал, раздул?
Не твою ли жена, в дождь,
Ходит босиком,
Не твои ли это детишки
Присят под окном?

Каждый из нас помнит и знает трогательные в своей простоте суриковские слова: «Получил письмо от внука дедушка Федот». Нужна была необыкновенная творческая одаренность и суриковская чуткость, чтобы на протяжении немощных строк шаршавою столь сильную картину.

Раздавило на работе
Руку шестерней,
И теперь семье помощник
Будет он плохой.
«Хоть и выйдет из больницы, —
Так выйдет беда.
Искалеченный, безрукий, —
Где же он куда?»
Много в том письме для деда
Горя и забот.
И вальдала горько, горько
Дедушка Федот...

Стихотворение называется «Горь». Суриков был истинным художником-реалистом в изображении человеческого горя. Язык не вступает у него громкой фразы; простые слова, идущие от самого сердца, рисуют страшные и незабываемые картины. Какая трагическая обреченность в словах шевели, брошенной в горло, — очар эксплоатации и разврата: «За любовь мою деньги давали, а за деньги любить не могла».

Некоторые критики оценивали творчество Сурикова, как неяркое «нытье». Между тем поэзия Сурикова печальна, но

Неизвестный автограф В. Г. Короленко

Среди рукописного материала бывшей Нижегородской ученой губернской архивной комиссии (созданной по инициативе А. С. Гаевского) имеется альбом автографов известных и малоизвестных лиц, где, между прочим, находится чрезвычайно любопытное послание В. Г. Короленко.

Послание датировано 1889 г. и представляет штучную чернильную, написанную языком грамот XVIII века скорописным почерком и адресованную Нижегородской архивной комиссии. Чернильница делится на три пункта и в юмористической форме передает жалобную «пищуха» Короленко на «преуздас» Архивной комиссии Гаевского, обманным образом заключившего его и других людей в камеру в камере «имеющего автографов» книга. «Писательского цеха подмастерье» просит за себя и «прочих персон» освободить их из этого канкана, а туда «посадить вместо» виновника их бед «ового Комаси преездас».

Как удалось выяснить, это новое в печати неизвестный автограф писателя.

Н. ПРИВАЛОВА.

В гостях у студентов

Московский Государственный педагогический институт иностранных языков и иностранная комиссия Союза советских писателей устроила недавно интернациональный вечер. Это был один из вечерних встреч писателей с молодежью столицы.

Огромный зал института, вмещающий около 700 человек, был переполнен. Литературец К. Мартенс, открывая вечер, от имени немецкой кафедры приветствовал гостей института, немецких писателей Э. Вейнера, В. Бределя, Б. Балаша, Г. Гунперта и Клары Блом.

С большим вниманием слушала аудитория отрывок из новой, еще неопубликованной поэмы Эриха Вейнера о крестьянской войне XVI века в Германии.

В. Бредель прочел сцену из своего нового романа «Родные и знакомые», посвященного детству писателя. В прочитанной главе автор в юмористических тонах дает картину быта рабочей и мещанской семей в Гамбурге начала XX века.

Главу на автобиографической повести прочел Вела Балаш.

Гуго Гунперт познакомил собравшихся со своими новыми стихами на книги Лихтен и Балла, которая должна появиться в скором времени. С большим успехом прочел он и свои переводы из Маяковского — «Необычайное приключение» и «Львиный марш», а также «Стихи о советском паспорте» в переводе Ф. Лешинера.

Клара Блом читала свои стихи, посвященные ее родине — Черновцам, написанные еще до присоединения Северной Буковины к Советскому Союзу. Затем она прочла несколько лирических стихотворений из цикла о войне в Китае.

Немецкие писатели были очень тепло приняты студенческой молодежью, горячо благодарившей своих гостей за интересный вечер.

КОНКУРС НА ЛУЧШИЙ ПЕРЕВОД БАЛЬЗАКА

Закончился объявленный несколько месяцев тому назад Гослитиздатом совместно с группом писателей конкурс на лучший перевод Бальзака.

В жюри конкурса вошли: К. Фелин, Л. Гроссман, И. Анисимов, А. Федоров, Н. Немчинова, В. Топер и Н. Касаткина.

Всего на конкурс поступило 17 переводов, превариальный отбор прошли семь. Недавно состоялось заседание жюри конкурса. Первая премия была присуждена лучшему переводу, представленному совместно В. Станевич и Н. Яковлевой. Третья премия присуждена В. Дмитриеву и четвертая — молодой переводчице М. Газас.

Вторую премию решено не выдвигать, так как Татарникова, которой она была присуждена, не выполнила одного из условий конкурса, она перевела меньше полтора листов.

Жюри единогласно констатировало, что конкурс выявил значительный рост советской переводческой культуры.

М. БЕКНЕР.

Никогда, пожалуй, писатели не собирались так аккуратно в клуб, как в день первого книжного базара, 29 марта. Открытие было назначено на 8 часов, а в десять минут девятую уже все неровно было в клубе. В. Индин, инициатор этого интересного начинания, произнес речь, закончившуюся словами: «Да здравствует книга!» Разрвали ленточку, оповещавшую книжные палатки, и в большом зале клуба началась бойкая торговля. Писатели осаждали палатки и «развали», рылись в книгах, осматривали их, листали. Это являлось как бы живой иллюстрацией к словам Державина: «В книгах ртытсья а любовь, свой ум и сердце просвещая».

И важный, отходя от прилавка, уносим с собой книгу. В. Перов приобрел бросовский сборник «Земная ось». Д. Благой прочел, внимательно разглядев только что купленные первые издания «Арабесок» Гоголя, «Домик в Коломенском» Пушкина с рисунками Фаворского, «Шехазадское слово пушчу», изданное в Петербурге в 1789 г. Студент ИФЛИ Россель понос целую книгу книг, выигранную им только что в лотерею, — за 10 рублей — пять томов «Истории искусств» Грарья, которая стоит в букинистических лавках 300—400 рублей. А третью часть — «Жизнь животных» Бремеля достался Долматовскому за 3 рубля. Чым-то счастливым выигрышем оказались два тома Некрасова с золотым орнаментом.

С интересом рассматривают посетители витрины рукописных изданий 1920—21 гг. Тут и сборник памяти Влока со стихами К. Линскерова, А. Глабы, Н. Ашукана и статей Андрея Белого, и книжечка карикатур А. Ремизова на Андрея Белого. Рядом с ними — юмористический журнал «Солдаты» (сокращенное от «Союдачество писателей»), два номера которого были изданы в 1921 г. книжной лавкой писателей.

Но особенный успех вызвал обмен редкими книгами. В. Индин приобретает «Тыны современных нравов» Н. Кириллова — выпуск первый и единственный. «Народное гуляние в Марьиной роще» (1830 г.) получает А. Тихонов, «Слова перед началом благодарственного молебствия по случаю покорения французской столицы победоносными русскими войсками в 1814 г. в числе других книг поступает в библиотеку Н. Д. Волкова. «Саломея» Уайльда с рисунками Обри Бердслея уносит М. Левилон.

К концу вечера без книг на руках в клубе не остается ни одного человека. У многих — целые пакеты товаров. За тридцать часа базара в клубе было продано книг почти на 8 тысяч рублей.

Книжный базар, который в этот раз посетили больше 500 человек, будет повторен клубом и книжной лавкой писателей 5 мая, в День советской печати.

Е. ПЕЛЬСОН.

Научная сессия, посвященная Шекспиру и Сервантесу

В связи с исполняющимся 325-летием со дня смерти Шекспира и Сервантеса Институт мировой литературы имени А. М. Горького посвящает им научную сессию, которая состоится 21, 22 и 24 апреля.

На сессии выступят с докладами академик М. Покровский — «О гуманистических идеях Шекспира» и проф. М. Морозов — «О научном значении антишекспировских гипотез».

Кроме того, состоятся доклады: М. Зубовского о «Гамлете», А. Аникста о «Венецианском кучке». В. Узин прочтет доклад «Буря» Шекспира и «Персилье и Сингамонда» Сервантеса.

О Сервантесе и новейшей испанской литературе сделает доклад Ф. Кельин.

Особенностью этой научной сессии является то, что последнее заседание ее специально посвящается критическому разбору заслушанных докладов.

Письмо в редакцию

Государственное издательство «Дер Эмес» издает полное собрание сочинений классика еврейской литературы Менделя Мойхер-Форман. В настоящее время готовится к печати IX том, включающий писем Менделе. В связи с этим мы обращаемся с просьбой ко всем лицам, у которых имеются письма Менделе, либо редкие издания с публикациями его писем, предоставить нам эти материалы (или копии с них). Сейчас же по использованию мы их с благодарностью вернем.

Адрес: Москва, Старопаушский пер., 1. Издательство «Дер Эмес». Для редколлегии собрания сочинений Менделе.

От имени редколлегии секретарь А. ГУРШТЕРИИ.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

им. А. М. ГОРЬКОГО АКАДЕМИИ НАУК СООБАЗА ССР

ИЗВЕЩАЕТ,

ЧТО 22 АПРЕЛЯ 1941 года, в 7 час. вечера,

НА ОТКРЫТОМ ЗАСЕДАНИИ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА

СОСТОИТСЯ ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

НА ОБОЗНАЧЕННУЮ УЧЕНОЮ СТИПЕНДИЮ КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК:

А. Н. СОКОЛОВИМ — «Лермонтов и